

«Этот мир
захватил меня полностью.
Блистательно!»

СТЕФАНИ МАЙЕР,
автор культовой саги «СУМЕРКИ»

The New York Times Bestseller

ОРУДИЯ СМЕРТИ

КНИГА II

ГОРОД ПРАХА

КАССАНДРА КЛЭР

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр

Орудия Смерти. Город праха

«АСТ»

2009

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Клэр К.

Орудия Смерти. Город праха / К. Клэр — «АСТ»,
2009 — (Сумеречные охотники)

ISBN 978-5-17-106354-2

Клэри Фрэй мечтает об обычной жизни, но теперь она Сумеречный охотник, ее окружают вампиры, оборотни и фэйри. Ее мать спит волшебным сном, и единственный шанс спасти ее – это найти отца, Сумеречного охотника, который осмелился противостоять Конклаву. В круговороте невероятных событий Клэри неожиданно обретает брата – холодного и прекрасного Джейса. И это оказывает неожиданное влияние на ее отношения с Саймоном... А в мире Сумеречных охотников происходит очередное злодеяние. Кто-то украл второе Орудие Смерти. Подозрение Инквизитора падает на Джейса...

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106354-2

© Клэр К., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Пролог. Дым и бриллианты	6
Часть первая. Одно лето в аду	8
1. Стрела Валентина	8
2. «Охотничья луна»	16
3. Инквизитор	28
4. Кукушонок в гнезде	34
5. Грехи отцов	43
6. Город праха	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кассандра Клэр

Город праха

Cassandra Clare
MORTAL INSTRUMENTS
City of Ashes

© 2009 by Cassandra Clare, LLC
© Е. Алексеева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается моему отцу, который вовсе не злой. Ну разве что самую малость.

Язык горечи

*Милый город,
Мне знакомы твои улицы,
Все ангелы и демоны,
Что сидят на твоих крышах,
Как птицы на ветвях.
Ты знакома мне, река,
Словно катишь волны сквозь мое сердце.
Я твоя дочь, и я твой воин.
Ты соткан из букв,
Как фонтан соткан из воды.
Ты оттиск многих языков.
Говоря на них,
Мы воздвигаем город.*

Элка Клоук

Пролог. Дым и бриллианты

Громадное здание из стекла и металла возвышалось над Фронт-стрит сияющей иглой, устремленной в небо. Комплекс «Метрополь» был построен совсем недавно – и уже стал самым дорогим жильем на Манхэттене. На верхнем, пятьдесят седьмом, этаже располагался пентхаус «Метрополь», шедевр хай-тека в глянцевых черно-белых тонах. Свет звезд, льющийся из огромных, во всю стену, окон, отражался в гладком, как зеркало, мраморном полу. Идеально прозрачные стекла создавали иллюзию, будто между наблюдателем и панорамой города нет совсем никакой преграды. Голова закружилась бы и у того, кто никогда не боялся высоты.

Далеко внизу между сияющими берегами Манхэттена и Бруклина бежала серебристая лента Ист-Ривер, перехваченная сверкающими мостами. С такой высоты корабли и лодки казались мушинными точками. В ясную погоду на юге виднелась подсвеченная статуя Свободы, но сейчас на город опустился туман, и Либерти-Айленд заволокло белой пеленой.

Однако человек у окна был явно не настроен любоваться прекрасными видами. Хмурясь, он отвернулся от стекла и нервно пригладил белоснежные волосы:

– Сколько ты еще будешь возиться? Почти час прошел!

Юноша, скорчившийся на полу, вскинул на него глаза со смесью страха и раздражения:

– Мрамор слишком твердый, по нему трудно чертить пентаграмму...

– Значит, обойдемся без нее.

Несмотря на белоснежные волосы, человек у окна был совсем не стар. Его жесткое лицо еще не изрезали морщины, а глаза смотрели ясно и твердо.

Парень нервно сглотнул, и его перепончатые крылья затрепетали – для них в джинсовой куртке на уровне лопаток были сделаны специальные прорезы.

– Нельзя вызывать демона без пентаграммы, сэр. Сами знаете...

– Да-да, без пентаграммы мы беззащитны... И все же, юный Илия, за то время, что у тебя ушло на половину пятиконечной звезды, другой маг успел бы призвать демона, поболтать с ним и отправить его назад в преисподнюю.

Юноша набросился на мрамор с удвоенным рвением, то и дело откидывая со взмокшего лба непослушные волосы.

– Все, – наконец выдохнул он, разогнув спину. – Готово.

– Хорошо. Тогда приступай, – распорядился человек у окна.

– А деньги?

– Я же сказал: заплачу после беседы с Аграмоном, не раньше.

Илия поднялся и снял куртку. Несмотря на прорезы, она все равно стесняла движения крыльев. Теперь они наконец обрели свободу и расправились, всколыхнув неподвижный воздух комнаты. Цветом крылья напоминали нефтяную пленку на воде – черные в ярких радужных разводах. Человек у окна отвернулся, словно зрелище было ему неприятно, однако юный маг не обратил на это внимания. Он начал описывать круги вокруг начертанной на полу пентаграммы, двигаясь против часовой стрелки и читая заклинания на языке демонов, похожем на треск пламени.

Раздался резкий шипящий звук – как будто воздух вырвался из проколотой шины. Контуры пентаграммы полыхнули огнем, отражаясь в двенадцати огромных окнах. Внутри пентаграммы что-то зашевелилось – что-то черное и бесформенное. Илия читал заклинания все быстрее, вздымая руки и выписывая перепончатыми пальцами сложные узоры; вслед за их движениями воздух начинал искриться синим огнем. Хотя человек у окна практически не знал хтонского языка – языка магов, – он понял отдельные слова, которые повторял Илия: «Призываю тебя, Аграмон. Из бездны меж мирами призываю тебя».

Теперь юный маг стоял лицом к основанию пентаграммы и размеренно читал заклинания, то возвышая, то понижая голос. Воздух вокруг него искрился синими сполохами.

Неожиданно внутри пентаграммы возник завиток дыма – и взметнулся вверх, густея и разрастаясь. В его мраке, как бриллианты в паутине, загорелись два глаза.

– Кто воззвал ко мне меж мирами? – Голос демона напоминал треск разбитого стекла. – Кто призывает меня?

Илия замер перед пентаграммой, лишь распахнутые крылья чуть трепетали. В воздухе разлился запах гари и разложения.

– Я призываю тебя, Аграмон! Я, маг Илия, воззвал к тебе меж мирами!

На мгновение воцарилась тишина, и демон расхохотался. Смех был едкий, как и следовало ожидать от существа, сотканного из густого дыма.

– Глупый, глупый мальчишка! – прошипел Аграмон.

– Это ты глупый демон, раз пытаешься угрожать мне, – парировал Илия, однако голос у него дрожал так же, как крылья. – Тебе не пересечь границ пентаграммы, пока я не выпущу тебя.

– В самом деле? – Клубясь и меняя форму, столб дыма метнулся вперед, выпустил отросток, превратившийся в кулак, и нанес удар по огненной звезде. Дым забурлил и обрушился через границу пентаграммы, как река, прорвавшая плотину.

Илия вскрикнул, попятился и снова начал быстро читать заклинания на хтонском – теперь это были заклинания удержания и изгнания. Тщетно! Черный дым надвигался неумолимо, постепенно принимая новую форму – жуткого уродливого существа. Огромные, как блюдца, глаза горели недобрым огнем.

Человек у окна бесстрастно наблюдал. Илия с криком рванулся к двери, но добежать до нее не успел. Аграмон настиг мага и низвергся на него, как поток кипящей смолы. Несколько секунд Илия еще пытался избежать неминуемой гибели – и затих.

Черная фигура отхлынула от изломанного тела, лежащего на мраморном полу.

– Надеюсь, ты не сделал его бесполезным для меня, – произнес человек у окна. – Мне нужна кровь этого мага.

Аграмон обернулся. Горящие, похожие на бриллианты глаза уставились на говорившего. Мужчина в дорогом костюме держал в руке светящийся предмет.

– Это ты велел мальчишке призвать меня? И не сказал ему, на что я способен?

– Совершенно верно.

– Умный ход, – произнес Аграмон с ревнивым восхищением.

– Да, я очень умен. – Человек сделал шаг навстречу демону. – И теперь я твой хозяин. У меня в руке Чаша смерти. Тебе придется подчиниться, или расплата будет жестокой.

Демон немного помолчал, размышляя, и наконец скользнул к земле в пародии на почтительный поклон. Вероятно, в исполнении бестелесного демона этот жест был самым близким эквивалентом преклонения колен.

– Я в вашей власти, милорд...

Человек улыбнулся, услышав в окончании фразы немой вопрос:

– Можешь звать меня Валентином.

Часть первая. Одно лето в аду

*Мне кажется, что я в аду.
Значит, это действительно так.*

Артур Рембо

1. Стрела Валентина

– Ты еще злишься?

Алек, прислонившийся к стене лифта, сердито сверкнул глазами на Джейса:

– Не злюсь.

– Да нет, ты именно злишься. – Джейс попытался ткнуть приемного брата локтем и вскрикнул от резкой боли, пронзившей руку.

Все тело ныло после того, как он пролетел три этажа, прошибая спиной гнилые доски, и упал на кучу металлолома. Теперь в синяках были даже пальцы.

После встречи с Авадоном Алек лишь недавно начал ходить без костылей и выглядел сейчас не лучше Джейса – весь в грязи, потные волосы свисают сосульками. Через всю щеку шел длинный порез.

– Не злюсь, – процедил он сквозь зубы. – Просто если бы ты не сказал, что дракониды вымерли...

– Я сказал, почти вымерли.

Алек вытянул палец и прорычал дрожащим от ярости голосом:

– В данном случае твоего «почти» **СОВЕРШЕННО НЕДОСТАТОЧНО!**

– Ясно, – кивнул Джейс. – Ладно, я прослежу, чтобы в учебники демонологии внесли соответствующие исправления. Везде, где говорится «монстр почти вымер», следует читать «вымер недостаточно для Алека, который предпочитает *как следует* вымерших монстров». Это тебя устроит?

– Мальчики, не ссорьтесь. – Изабель, рассматривавшая свое отражение в зеркальной стене лифта, обернулась к братьям с лучезарной улыбкой. – Ну да, пришлось попотеть чуть больше, чем мы ожидали, зато было весело.

Алек посмотрел на нее и покачал головой:

– Как тебе удастся при любых обстоятельствах не извозиться в грязи?

Изабель невозмутимо пожала плечами:

– У меня чистое сердце. Оно отвергает скверну.

Джейс так громко фыркнул, что Изабель обернулась к нему, нахмурившись.

– Да у тебя скверна изнутри и снаружи! – заявил Джейс, указывая на нее пальцем. Его руки покрывала корка засохшей грязи, кончики ногтей темнели черными полумесяцами.

Изабель уже собиралась ответить, но тут раздался скрежет, и лифт остановился.

– Давно пора починить, – пробормотала Изабель, с усилием открыв дверь.

Джейс уже предвкушал, как избавится от оружия и брони и влезет под горячий душ. Он убедил приемных брата и сестру отправиться вместе с ним на охоту, хотя оба опасались действовать на свой страх и риск без привычных указаний Ходжа. Но Джейс хотел забыться в битве, хотел борьбы за жизнь и физической боли, заглушающей боль душевную. Изабель с Алеком это прекрасно понимали и потому вместе с ним отправились лезть по подземным

туннелям, пока не нашли драконицу и не убили ее. Они втроем умели действовать очень слаженно, как давно сработавшаяся команда. Как семья.

Алек стягивал покрытые грязью сапоги, присев на низкую деревянную скамью, и еле слышно что-то насвистывал, видимо давая Джейсу понять, что на самом деле не сердится. Изабель вытащила шпильки, и длинные темные волосы заструились по спине и плечам.

– Есть хочется... Жаль, мама не дома, она бы что-нибудь приготовила.

– Хорошо, что ее тут нет, – сказал Джейс, расстегивая поясную портупею. – А то нам бы уже влетело за испорченные ковры.

– Ты совершенно прав, – раздался холодный голос за его спиной.

Джейс резко обернулся, все еще держась за портупею, и увидел в дверях Маризу Лайтвуд. На ней был строгий черный дорожный костюм; волосы – такие же темные, как у Изабель, – толстым жгутом спадали до середины спины. Скрестив руки на груди, Мариза испытующе оглядывала всех троих ледяными голубыми глазами.

– Мама! – радостно воскликнула Изабель и кинулась ее обнимать.

Алек встал со скамьи и тоже подошел к матери, изо всех сил стараясь скрыть хромоту.

Джейс остался на месте. Что-то во взгляде Маризы заставило его замереть. Он ведь не сказал ничего обидного... Весь дом нередко посмеивался над трепетным отношением Маризы к антикварным коврам.

– Где папа? – спросила Изабель, отстранившись. – И Макс?

– Макс у себя в комнате, – ответила Мариза после едва заметной паузы. – А папа, увы, еще в Аликанте. Ему пришлось задержаться.

Алек, который лучше Изабель различал малейшие оттенки тона, слегка напрягся:

– Какие-то неприятности?

– Это я у вас хочу спросить, – сухо ответила Мариза. – Ты что, хромаешь?

Врать Алек совершенно не умел, поэтому Изабель поспешила ответить вместо него:

– Столкнулись с драконицей в тоннеле метро. Ничего страшного.

– А высший демон, с которым вы столкнулись на прошлой неделе, – тоже «ничего страшного»?

Тут и Изабель не нашла, что ответить, вопросительно посмотрела на Джейса.

– Мы не собирались... Это была ошибка... – начал оправдываться он, пытаясь сосредоточиться.

Мысли путались. Мариза с ним даже не поздоровалась, не сказала ему ни слова и по-прежнему не сводила с него пристального взгляда холодных голубых глаз. У Джейса засосало под ложечкой. Она никогда не смотрела на него вот так, что бы он ни сделал!

– Джейс! – Макс, младший из Лайтвудов, протиснулся в дверь мимо Маризы и, увернувшись от ее цепких рук, ворвался в комнату. – Ты вернулся! Вы все вернулись! – Он крутанулся волчком, радостно улыбаясь Алеку и Изабель. – Я сразу подумал, что это вы, когда услышал лифт!

– А я думала, что велела тебе сидеть в своей комнате, – сказала Мариза.

– Не помню такого, – ответил Макс с невозмутимой серьезностью.

Для своего возраста Макс был очень невысок и выглядел лет на семь, однако малый рост компенсировался сосредоточенным видом в сочетании с огромными очками. Алек протянул руку и взъерошил младшему брату волосы, но Макс не сводил сияющих глаз с Джейса. Джейс почувствовал, что ледяной кулак, стиснувший внутренности, потихоньку разжимается. Макс чуть ли не боготворил его. К родному старшему брату он не относился с таким восторгом – возможно, потому, что Джейс всегда был к Максиму гораздо более благосклонен.

– Я слышал, что вы сражались с высшим демоном! – выпалил Макс. – Было круто, да?

– Своеобразно... – осторожно ответил Джейс. – Как тебе Аликанте?

– Здорово! Мы видели кучу классных штуковин! Там огромная оружейная мастерская, и мне показывали, как изготавливают оружие! Показали, как по-новому куются клинки серафимов, чтобы они дольше работали! Я очень хочу уговорить Ходжа...

Помимо своей воли Джейс с изумлением взглянул на Маризу. Так Макс еще ничего не знает о Ходже? Она что, ничего ему не сказала?

Марица встретила с ним взглядом и сжала губы в тонкую ниточку.

– Довольно, Макс, – промолвила она, взяв младшего сына за плечо.

Макс посмотрел на нее в изумлении:

– Но я хочу побыть с Джейсом...

– Знаю, – кивнула Марица, мягко подтолкнув его к сестре. – Алек, Изабель, отведите Макса в его комнату. Джейс, – голос у нее стал сухим, – приведи себя в порядок и немедленно приходи в библиотеку. Есть разговор.

– Я не понимаю, – сказал Алек, переводя взгляд с Джейса на мать. – Что происходит?

Джейс почувствовал, как его спина покрывается холодным потом.

– Предмет разговора – мой отец?

Марица вздрогнула, как от пощечины.

– В библиотеку, – выдавила она. – Там поговорим.

– Джейс не виноват в том, что произошло, пока ты была в отъезде, – заявил Алек. – Мы все в этом участвовали. А Ходж...

– О Ходже мы тоже поговорим потом, – угрожающе сказала Марица, покосившись на Макса.

– Но мама! – запротестовала Изабель. – Если хочешь наказать Джейса, накажи и нас, иначе будет несправедливо. Он не сделал ничего такого, чего не делали мы!

– Нет, – ответила Марица после долгой паузы. – Ты ошибаешься.

– Первое правило аниме: никогда не связывайся со слепым монахом, – произнес Саймон.

Он сидел на полу среди вороха подушек у изножья кровати с пакетом картофельных чипсов в одной руке и пультом от телевизора – в другой. На его черной футболке красовалась надпись «Твоя мама – в моем блоге», а джинсы зияли дырой на колене.

– Ну да... – Клэри окунула ломтик чипсов в банку с соусом, стоящую на раскладном столике. – Почему-то слепые монахи всегда дерутся лучше всех зрячих... – Она взглянула на экран. – Они что, танцуют?

– Вот еще, они сражаются! Вот этот парень – смертельный враг вон того, забыла? Он убил его отца. Какие уж тут танцы!

Клэри грызла чипсы и задумчиво созерцала экран, где в вихре желтых и розовых облаков делали кульбиты два крылатых человека со светящимися жезлами. Они что-то кричали друг другу, но, поскольку мультфильм демонстрировался на японском с китайскими субтитрами, реплики персонажей мало что проясняли.

– А тот, в шляпе, – злодей? – спросила Клэри.

– Нет, в шляпе – убитый отец. Он был маг-император, и это была его шляпа всемогущества. Злодей – это тот, у которого говорящая механическая рука.

Зазвонил телефон. Саймон отложил пакет с чипсами и потянулся к аппарату. Клэри удержала его:

– Не отвечай.

– А вдруг Люк звонит из больницы?

– Это не Люк, – сказала Клэри, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Он позвонил бы мне на мобильный, а не тебе на домашний.

Несколько секунд Саймон смотрел на нее, затем кивнул.

– Как скажешь, – промолвил он, готовый на все, лишь бы ей было хорошо.

Клэри подумала, что сейчас ей просто не может быть хорошо. Мама в больнице, опутанная трубками и датчиками. Люк сидит у ее постели, как зомби, скорчившись на пластиковом стуле. А Джейс... Клэри ужасно тревожилась, по десять раз на дню хваталась за телефон, чтобы позвонить в Институт, но так ни разу и не набрала номер. Если бы Джейс хотел поговорить с ней, он позвонил бы сам.

Наверное, все-таки не стоило приводить его к Джослин. Она-то надеялась, что мама очнется, услышав голос своего первенца. Увы, ничего не произошло. Джейс неподвижно стоял у постели, и лицо у него было как у безмятежного иконописного ангела. В конце концов у Клэри лопнуло терпение, она накричала на Джейса, он огрызнулся в ответ и выбежал прочь.

– Вот теперь вы и правда ведете себя как брат с сестрой, – заметил Люк.

Клэри промолчала. Зачем объяснять ему, как она безнадежно мечтает, чтобы Джейс не был ее братом? От собственной ДНК не убежишь, как бы тебе этого ни хотелось. Даже если от этого зависит твое счастье...

Да, с надеждами на счастье пришлось расстаться, зато в доме Саймона ей было очень уютно и спокойно. Она знала Саймона так давно, что помнила еще те дни, когда он спал на кровати в виде пожарной машины, а в углу его комнаты валялись груды деталек конструктора LEGO. Теперь Саймон обзавелся диваном-футоном в японском стиле с ярким полосатым лоскутным одеялом, подаренным сестрой. На стенах висели плакаты рок-групп, место конструктора занимала барабанная установка, а в другом углу комнаты светился экран компьютера с картинкой из World of Warcraft на рабочем столе. Для Клэри все это давно стало таким родным, что она чувствовала себя совсем как дома – тем более ее настоящий дом превратился в развалины...

– Ну вот, опять чибики, – мрачно сказал Саймон, когда все персонажи на экране вдруг превратились в карикатурных младенцев, гоняющихся друг за другом со сковородками. – Переключаю на другой канал, аниме меня достало. Сюжет непонятный, и нет даже намека на секс.

– Конечно нет. – Клэри запустила руку в пакет с чипсами. – Аниме – это благонравное семейное развлечение.

– Если ты в настроении смотреть что-нибудь менее благонравное, могу включить порно-канал, – сказал Саймон. – Что лучше: «Бюствикские ведьмы» или «Грязная Диана»?

– Дай сюда! – Клэри попыталась отобрать пульт, но Саймон уже переключил канал, издевательски хохоча.

И вдруг осекся, уставившись в телевизор. Шел старый черно-белый фильм, «Дракула». Бела Лугоши, облаченный в мантию с высоким воротником, скалил острые клыки на выбеленном лице. «Я не пью вина», – произнес он с сильным венгерским акцентом.

– Гляди, паутина резиновая, – улыбнулась Клэри. – Очень заметно.

Но Саймон уже помрачнел, как осеннее небо перед дождем. Он вскочил на ноги, бросил пульт на кровать и пробормотал: «Сейчас вернусь». Впервые с того дня, как мама оказалась в больнице, Клэри пришлось в голову, что Саймону тоже приходится нелегко.

Вытирая волосы полотенцем, Джейс хмуро окинул взглядом свое отражение. Исцеляющая руна устранила даже самые серьезные ушибы и кровоподтеки, однако оказалась бессильна против темных кругов под глазами и жестких складок, залегших в углах рта. Голова болела и немного кружилась. Конечно, стоило хоть как-то позавтракать, но он проснулся в ледяном поту от ночных кошмаров, и его так мучило, что хотелось не есть, а как можно скорее отвлечься на любую физическую активность, чтобы боль и льющийся в глаза пот вытеснили все воспоминания о снах.

Отложив полотенце, Джейс с грустью вспомнил о сладком чае из высушенных листьев ночных цветов, росших в зимнем саду, который заваривал Ходж. Этот чай помогал справиться

с чувством голода и моментально восстанавливал силы. Теперь Ходжа не было... Джейс как-то попытался сам заварить листья кипятком, надеясь добиться того же эффекта, но у него получилось лишь тошнотворное горькое варево, отдающее пеплом.

Он вышел из ванной босиком, натянул рубашку и джинсы, откинул с лица светлые пряди. Волосы уже лезли в глаза. Мариза обязательно устроит ему разнос – как обычно. Пусть по крови он и не принадлежал к роду Лайтвудов, с ним всегда обращались как с родным – с тех пор, как усыновили после смерти отца. То есть предполагаемой смерти, напомнил себе Джейс, и у него вновь засосало под ложечкой. Последние несколько дней он чувствовал себя тыквой, которую выпотрошили и поставили украшать застывшим оскалом вечеринку на Хеллоуин. Теперь он часто думал: а правда ли хоть что-то из его представлений о себе и о своей жизни? Он считал себя сиротой – это оказалось совсем не так. Считал, что был единственным ребенком, – и вдруг выяснилось, что у него есть сестра.

Клэри. Волна боли накатилась с новой силой, но была подавлена, как и раньше. Взгляд Джейса упал на осколок зеркала на комод, все еще отражавший зеленые ветви и яркое голубое небо. В Идрисе уже смеркалось, и небо темнело кобальтовой синью. Борясь с ощущением пустоты внутри, юноша сунул ноги в ботинки и направился вниз, в библиотеку.

Спускаясь по гулким каменным ступеням, он размышлял о том, зачем Маризе потребовалось поговорить с ним наедине. Что она хочет ему сказать? Она выглядела так, будто намерена вклеить ему затрещину со всего размаха... Джейс уже не помнил, когда Мариза последний раз поднимала на него руку. В семье Лайтвудов не применялись телесные наказания, а вот Валентин ими не гнушался. Он изобретал бесчисленное множество самых жестоких способов добиться от сына послушания. Раны на теле нефилима затягиваются быстро, поэтому следы оставались лишь от самых глубоких. Многие недели после смерти отца Джейс осматривал себя в поисках шрамов, которые стали бы напоминанием, хоть какой-то осязаемой связью с ним.

Он подошел к библиотеке, постучал и толкнул дверь. Мариза сидела в старом кресле Ходжа у камина. В свете, льющемся из высоких окон, Джейс заметил седину в ее волосах. В руке у Маризы был бокал красного вина, на столике рядом стоял хрустальный графин.

– Мариза, – позвал Джейс.

Она вздрогнула, пролив вино:

– Джейс... Я не слышала, как ты вошел.

– Помните колыбельную, которую вы пели Алеку и Изабель? В детстве, когда они боялись темноты?

Мариза явно не ожидала такого вопроса:

– При чем тут это?

– Я слышал через стену. Алек тогда спал в соседней комнате.

Мариза молчала.

– Колыбельная была на французском, – добавил Джейс.

– Удивительно, что ты запомнил...

– Мне вы никогда не пели.

– Ты не боялся темноты, – ответила Мариза после еле заметной паузы.

– Кто в десять лет не боится темноты?

Мариза подняла брови.

– Сядь, Джонатан, – сказала она. – Немедленно.

Нарочно, чтобы ее позлить, Джейс неспешно пересек комнату и уселся в одно из кресел с откидывающейся спинкой, стоящих у стола.

– Мне не нравится, когда вы называете меня Джонатаном.

– Почему? Это твое имя. – Мариза смотрела на него испытующе. – Давно ты знаешь?

– Что знаю?

– Не прикидывайся. Давно тебе известно, что Валентин – твой отец?

Джейс поразмыслил над ответом, отвергнув несколько вариантов. Лучшая тактика ведения непростых разговоров с приемной матерью – рассмешить ее. Пожалуй, он был единственным человеком в мире, способным рассмешить Маризу.

– Полагаю, так же давно, как и вы.

Мариза медленно покачала головой:

– Я тебе не верю.

Джейс выпрямился и сжал руки, лежавшие на подлокотниках, в кулаки. Пальцы слегка дрожали. Раньше с ним такого никогда не случалось. Никогда. У него всегда была твердая рука и ровный пульс.

– Не верите?

Внутренне он сам содрогнулся от того, как изумленно прозвучал вопрос. Конечно, не верит. Это было ясно с той самой минуты, как они вернулись домой.

– Как я могу поверить, Джейс? Как ты мог не знать, кто твой отец?

– Я считал, что мой отец – Майкл Вэйланд. Мы жили за городом, в поместье Вэйландов...

– Ну да, конечно, – усмехнулась Мариза. – А как тебя зовут? Твое настоящее имя?

– Вы знаете мое настоящее имя.

– Джонатан Кристофер. Я знала, что так же зовут сына Валентина. Я знала, что у Майкла есть сын Джонатан. Среди Охотников это вообще распространенное имя, поэтому я не обратила внимания. А есть ли у сына Майкла второе имя, даже не выясняла. Но теперь это не дает мне покоя. Как звали настоящего сына Майкла Вэйланда? Давно ли Валентин планировал сделать то, что сделал? Давно ли он задумал убить Майкла? – Она осеклась, пристально глядя на Джейса, и добавила: – А ведь ты на него не похож. Хотя иногда дети имеют мало сходства с родителями... Теперь я вижу в тебе черты Валентина, его непокорный взгляд... Тебе безразлично мое мнение, так ведь?

Джейсу вовсе не было безразлично. Просто ему очень хорошо удавалось это скрывать.

– А что бы изменилось, если бы я сказал, что не так?

Мариза поставила бокал на стол:

– И манера отвечать вопросом на вопрос, чтобы разозлить меня... Валентин делал то же самое. Стоило догадаться...

– А может, не стоило? Я тот же человек, каким явился сюда семь лет назад. Во мне ничего не изменилось. Если раньше вы не замечали во мне сходства с Валентином, не понимаю, почему вдруг должны обнаружить его сейчас.

Мариза отвела взгляд:

– Когда мы говорили о Майкле, ты наверняка понимал, что речь идет не о твоём отце. То, что мы о нем говорили, никак не могло относиться к Валентину.

– Вы говорили, он честный человек, – сказал Джейс, чувствуя, как в груди закипает гнев. – Смелый Охотник. Любящий отец. Я думал, все это о нем.

– А фотографии? Наверняка ты видел фотографии Майкла Вэйланда и понял, что это вовсе не тот человек, которого ты называл отцом! – Мариза закусила губу. – Помоги мне, Джейс.

– Все фотографии погибли во время Восстания. Так сказали мне вы. Теперь я и сам сомневаюсь – а Валентин ли сжег фотографии, чтобы никто не узнал о том, кто входил в Круг? У меня никогда не было фотографий отца, – произнес Джейс с горечью.

Мариза потеряла виски.

– Не могу поверить, – пробормотала она. – Не может быть...

– И не верьте в это. Лучше поверьте мне, – выпалил Джейс, чувствуя, что дрожь в руках усиливается.

– Ты думаешь, я не хочу тебе верить? – На секунду юноше показалось, будто он слышит эхо голоса той Маризы, которая приходила к нему, когда ему было десять лет. Он лежал ночами

без сна, уставясь в потолок сухими глазами, и думал об отце, а она садилась у его постели и сидела рядом, пока он наконец не засыпал перед самым рассветом...

– Я ничего не знал, – повторил Джейс. – И когда он предложил мне вместе с ним вернуться в Идрис, я отказался. Я все еще здесь. Это что, совсем ничего не значит?

Мариза посмотрела на графин, словно раздумывая, не выпить ли еще вина.

– Я хотела бы тебе поверить... Но твоему отцу было бы очень полезно твое присутствие в Институте. Когда дело касается Валентина, я не могу доверять никому, кого коснулось его влияние.

– Вас тоже коснулось его влияние, – заметил Джейс – и тут же пожалел об этом, увидев выражение, промелькнувшее на лице приемной матери.

– И я отвергла его, – сказала Мариза. – А ты? Что сделал ты?.. Скажи мне, что ненавидишь его, Джейс. Скажи, что ненавидишь этого человека и все, чем он живет.

Джейс опустил глаза и рассматривал свои кулаки, сжатые так сильно, что костяшки побелели.

– Не могу.

Мариза резко втянула носом воздух:

– Почему?

– А почему вы не можете сказать, что верите мне? Я прожил с вами почти половину жизни. Вы должны меня очень хорошо знать.

– Ты так искренне говоришь, Джонатан! Ты всегда умел говорить очень искренне, особенно когда в детстве пытался свалить вину за какую-нибудь выходку на Алека или Изабель. Я знаю лишь одного человека, обладающего схожим даром убеждения.

– Моего отца, – пробормотал Джейс, неожиданно почувствовав во рту вкус меди.

– Для Валентина люди делятся на две категории, – сказала Мариза. – Те, кто за Круг, и те, кто против. Вторые – враги, а первые – оружие в его арсенале. Я видела, как он пытался сделать своим оружием друзей и даже собственную жену – все ради высшей цели. И ты хочешь, чтобы я поверила, что он не сделал бы то же самое с сыном? – Она покачала головой. – Я слишком хорошо его знаю. – Впервые за сегодняшний день во взгляде Маризы было больше печали, чем гнева. – Ты – стрела, направленная в самое сердце Конклава, Джейс. Ты – стрела Валентина. Даже если сам того не осознаешь.

Клэри захлопнула дверь спальни с орущим телевизором и пошла разыскивать Саймона. Он оказался на кухне – стоял, нагнувшись над раковиной и уцепившись обеими руками за решетку для посуды. Из крана бежала вода.

– Саймон?

По солнечно-желтым стенам кухни были развешаны детские рисунки Саймона и Ребекки, сделанные цветными карандашами. Ребекка, несомненно, обладала способностями к рисованию, а на рисунках Саймона человечки напоминали скорее парковочные счетчики, увенчанные пучками волос.

Саймон не поднял головы, хотя Клэри точно знала, что он слышал, по тому, как напряглись его плечи. Она подошла и мягко положила руку ему на спину. Ладонь ощутила острые позвонки, выступающие под тонкой хлопковой футболкой, и Клэри подумала, что Саймон похудел. При взгляде на него это было совсем незаметно, но смотреть на Саймона – все равно что смотреть в зеркало. Когда видишь кого-то каждый день, не обращаешь внимания на небольшие изменения внешности.

– Все нормально?

Он резким движением закрыл кран:

– Ну да. Все хорошо.

Она коснулась его подбородка и слегка развернула его к себе. Несмотря прохладный ветер из окна, Саймон весь взмок, темные пряди волос липли ко лбу.

– По тебе не скажешь... Из-за фильма?

Он не ответил.

– Прости. Мне не следовало смеяться, я просто...

– Ты ничего не помнишь? – хрипло спросил Саймон.

– Я... – Клэри умолкла. Воспоминания о той ночи казались жутким калейдоскопом бега, пота, крови, темных теней в дверях, падений с высоты... Она помнила белые, словно вырезанные из бумаги лица вампиров во тьме, помнила руки Джейса на своих плечах и хриплый крик у себя над ухом. – Ничего. Все как в тумане.

На мгновение Саймон отвел глаза, потом вновь посмотрел на нее:

– Скажи, я изменился?

Клэри встретила с ним взглядом. Его глаза были цвета кофе – темно-карие, без малейшего намека на серый или ореховый. Изменился ли он? Разве что стал держаться уверенней с тех пор, как убил Аваддона, высшего демона. И в то же время в его глазах сквозила усталость, как будто он бесконечно долго чего-то ожидал. Подобную усталость она заметила и у Джейса. Возможно, это было лишь осознание собственной смертности.

– Ты все тот же Саймон.

Он прикрыл глаза, как будто у него гора с плеч свалилась. Клэри успела подумать, что Саймон определенно исхудал... и вдруг он наклонился и поцеловал ее.

Клэри окаменела от неожиданности, только ухватила за край решетки для посуды, чтобы не упасть. Однако она не отпрянула, и Саймон, восприняв это как знак согласия, положил ладонь ей на затылок и стал целовать еще уверенней. Его губы были такими мягкими, гораздо мягче, чем у Джейса, а рука, обнимающая ее за шею, такой теплой и нежной... Клэри ощутила вкус соли.

Она закрыла глаза и просто наслаждалась головокружительным теплом и темнотой, ощущая, как пальцы Саймона перебирают ее волосы... Внезапно раздался резкий телефонный звонок. Клэри вздрогнула, отпрянула назад, и несколько секунд они ошеломленно смотрели друг на друга, словно вдруг попали в совершенно незнакомое место.

Саймон пришел в себя первым: потянулся к телефону, висевшему на стене рядом с полочкой для специй, и снял трубку.

– Алло. – Голос у него был совершенно спокойным, только грудь часто вздымалась. Он протянул телефон Клэри: – Тебя.

Клэри взяла трубку. Ей все еще казалось, что сердце колотится где-то у горла, как пойманная бабочка. Наверняка это Люк, звонит из больницы. Что-то с мамой.

– Люк?

– Нет. Это Изабель.

– Изабель? – Клэри подняла глаза и увидела, что побледневший Саймон наблюдает за ней, облокотившись на раковину. – Зачем... В смысле, что-то случилось?

– Джейс с тобой? – Голос Изабель дрогнул, как будто она плакала.

Клэри отняла трубку от уха, изумленно воззрилась на нее и, спохватившись, вернула на место:

– Джейс? Нет. Почему ты решила, что он со мной?

Изабель всхлипнула в трубку:

– Просто он... Он пропал!

2. «Охотничья луна»

Майя никогда не доверяла красивым парням.

Именно поэтому Джейс Вэйланд страшно не понравился ей с самой первой минуты.

Ее брат-близнец Даниэль унаследовал от матери медового цвета кожу и огромные темные глаза. Он был из тех детей, которые любят поджигать крылья бабочкам и смотреть, как они сгорают на лету. А мог помучить и сестру. Сначала устраивал мелкие гадости – например, щипал Майю так, чтобы синяки были незаметны, или подливал отбеливатель в ее флакон с шампунем. Она пыталась жаловаться родителям, но они ей не верили. Никто не верил. Все принимали красоту Даниэля за невинность. Когда в девятом классе он сломал ей руку, Майя сбежала из дома; родители нашли ее и вернули. В десятом классе Даниэля насмерть сбила машина. Стоя с родителями над его могилой, Майя умирала от стыда за переполняющее ее чувство облегчения: Бог обязательно покарает ее за то, что она так радуется смерти брата.

Кара настигла год спустя. Джордан носил длинные темные волосы, рваные джинсы на узких бедрах и рокерские футболки. Майя никогда бы не подумала, что может понравиться такому парню. Таким обычно по душе бледные девицы в стильных очках, но Джордану отчего-то приглянулась пухленькая Майя. Между поцелуями он говорил ей, как она прекрасна. Первые месяцы с ним были сладким сном. Последние – кошмаром. Он вдруг стал вести себя как ревнивый собственник. Когда злился на Майю, рычал и бил ее по щекам тыльной стороной ладони – не оставляя следов. Когда у собственного порога она попыталась порвать с Джорданом, он толкнул ее, сбил с ног; она вскочила и убежала в дом, хлопнув дверью.

Потом, у него на глазах, она нарочно поцеловала другого парня: пусть поймет, что между ними все кончено. Как звали того парня, она уже не помнила. Зато очень хорошо помнила, как шла домой той ночью – как мелкая морось оседала на ее волосах, а джинсы до самых колен забрызгало грязью – и как она решила пройти коротким путем через парк. Помнила, как из-за железной карусели вдруг вырвалась темная тень и огромный мокрый волк повалил ее в грязь. Помнила дикую боль, когда на горле сомкнулись челюсти. Она кричала и вырывалась, чувствуя во рту вкус горячей крови, а в голове билась одна мысль: это невозможно! невозможно! В Нью-Джерси, в обычном маленьком пригороде, в двадцать первом веке не могло быть волков!

От ее воплей в окрестных домах один за другим, как спички, зажглись огни. Волк отпрянул и убежал, роняя с челюстей капли крови.

Потом Майя оказалась дома, в своей розовой спальне, с двадцатью четырьмя швами на горле. Перепуганная мама хлопотала, как наседка. Врач в травмпункте решил, что девушку укусила большая собака, но Майя знала: это не так. Прежде чем волк умчался прочь, он склонился к ее уху, и Майя услышала знакомый горячий шепот: «Теперь ты моя. Ты всегда будешь моей».

Больше она Джордана не видела. Он уехал из города вместе с родителями, и никто из его друзей не знал куда, а если и знали, то не признавались. Майя почти не удивилась, когда на следующее полнолуние вдруг почувствовала себя плохо. Тело раздирала мучительная боль, от которой подкашивались ноги и выгибался хребет. Когда все зубы разом выпали и запрыгали по полу, как рассыпанные бусины, она потеряла сознание. Или ей так показалось. Очнувшись она далеко от дома, без одежды и в крови. На руке пульсировал свежий шрам. Той же ночью она села в поезд до Манхэттена и уехала навсегда. Решение далось ей легко. В консервативном пригороде ей, плоду межрасового брака, и без того приходилось несладко. А что там могли сотворить с оборотнем – одному Богу известно.

Найти себе стаю тоже не составило труда. Только в Манхэттене их было несколько. Майя прибилась к стае, обитающей в старом полицейском участке в Чайна-тауне.

Вожаки сменяли друг друга. Сначала был Кито, потом Вероника, потом Габриэль, а теперь Люк. Габриэль ей, в принципе, тоже нравился, но Люк был лучше. Голубоглазый и надежный, он не блистал красотой и потому не вызвал у нее неприязни с первого взгляда. Жизнь в стае Майю вполне устраивала. Они спали в старом полицейском участке, играли в карты, ели китайскую еду в обычные дни и охотились в парке в полнолуние, а потом заливали спиртным похмелье после перерождения в «Охотничьей луне», одном из лучших в городе подпольных баров оборотней. Там варили собственное пиво, и никто не требовал удостоверения личности – вдруг тебе нет двадцати одного?! Ликантропы развиваются очень быстро; коль скоро ты раз в месяц обрастаешь шерстью и клыками, в «Луне» нальют всегда – неважно, сколько тебе лет по человеческим меркам.

О своей семье она едва вспоминала – до того дня, когда в бар вошел светловолосый парень в длинном черном плаще. Увидев его, Майя окаменела. Не то чтобы он напоминал Даниэля – не совсем. У брата были темные волосы, чуть волнистые на затылке, и медовая кожа, а этот чужак отливал белизной и золотом. И все же Майе на секунду показалось, что она видит брата. Та же стройная, гибкая фигура, та же хищная грация пантеры, высматривающей жертву, то же уверенное сознание собственной неотразимости. Майя конвульсивно сжала стакан и напомнила себе, что Даниэль умер. Брата больше нет в живых.

Чужак уверенно шагнул к барной стойке, а за спиной у него расходились настороженные перешептывания, будто волны за кормой лодки. Он как ни в чем не бывало притянул к себе табурет носком сапога и уселся. Шепот стих, и Майя услышала, как парень заказал односолодовый виски. Получив заказанное, он одним глотком ополовинил стакан. Напиток был того же цвета темного золота, что и волосы чужака. Когда парень поднимал стакан, у него обнажилось запястье, и Майя увидела черные знаки.

Рядом с Майей сидел Бэт – когда-то ухажер, а теперь просто друг. Увидев знаки на руках чужака, он пробормотал себе под нос:

– Нефилим...

Так вот в чем дело. Чужак не оборотень, а Сумеречный охотник, член тайной полиции. Охотники следили за тем, чтобы никто не нарушал Закон. Охотником нельзя стать, им можно только родиться. О них ходило множество слухов, один неприятней другого. Заносчивые, надменные, жестокие, они презирали нежить. Для оборотня хуже Охотника мог быть разве что вампир.

А еще говорили, что Охотники убивают демонов. Майя хорошо помнила, как впервые услышала о существовании демонов. Она уже поняла и приняла существование в мире вампиров и оборотней – это были люди, живущие с жестоким недугом. Но неужели теперь придется поверить в чепуху про ад и рай, ангелов и демонов? Ведь никто до сих пор не мог сказать ей определенно, есть Бог или нет и что ждет ее после смерти... В демонов пришлось поверить – после того, как Майя увидела ими содеянное. Лучше бы она оставалась в неведении...

– Очевидно, – произнес нефилим, водрузив локти на барную стойку, – «Серебряную пулю» тут не подают из принципа? Слишком неприятные ассоциации? – Его прищуренные глаза нехорошо светились.

Бармен по прозвищу Стремный Пит только посмотрел на парня с презрением и покачал головой. Майя подумала, что, не будь парень Охотником, Пит уже вышвырнул бы его из бара.

– На самом деле, – сказал Бэт, который никогда не умел вовремя промолчать, – «Серебряную пулю» тут не подают, потому что это реально дерьмовое пиво.

Чужак уставился на Бэта сверкающими прищуренными глазами и радостно улыбнулся. Вообще-то мало кто улыбался радостно, поймав на себе недобрый взгляд Бэта. Бэт был ростом под метр девяносто, и по всему его лицу шел шрам от ожога серебряным порошком. Он не принадлежал к числу тех бедолаг, что жили в полицейском участке и спали в бывшей ката-

лажке, – он имел свою квартиру и даже работу. Майе с ним очень нравилось – до тех пор, пока Бэт не ушел от нее к рыжей ведьме по имени Ева, устроившей в гараже салон хиромантии.

– А что *ты* предпочитаешь? – поинтересовался парень, наклонившись к Бэту так близко, что это само по себе уже пахло оскорблением. – Вкус шерсти паршивого пса, выкусывающего блох?

– Да ты, я смотрю, считаешь себя остроумным парнем, – сказал Бэт. Вся стая уже собралась вокруг них, готовая поддержать товарища. – Так?

– Бэт, – вмешалась Майя. Как ни странно, она одна во всей стае сомневалась в том, что Бэт выйдет из драки победителем. Что-то во взгляде чужака внушало ей страх. – Не надо.

Бэт и ухом не повел.

– Так, спрашиваю?

– Кто я такой, чтобы отрицать очевидное? – Взгляд парня скользнул по Майе, будто ее не существовала, и уперся в Бэта. – Прости за любопытство, но что у тебя с лицом? Похоже...

Тут он подался к Бэту и сказал что-то, чего Майя не расслышала. В следующую секунду Бэт нанес удар, который должен был раздробить обидчику челюсть, – вот только чужака уже не было на месте. Он стоял в пяти футах в стороне, злорадно хохоча: вместо его челюсти Бэт попал по стакану с виски, запустив его через весь бар в противоположную стену. Со звоном посыпались осколки.

Майя не успела даже моргнуть, как Стремный Пит оказался рядом с Бэтом и сгрэб в огромный кулак воротник его рубашки:

– Хватит!.. Вот что, Бэт, не пойди ли тебе проветриться?

Бэт попытался вырваться из цепкой хватки:

– Проветриться? Ты слышал, что он...

– Я слышал, – негромко произнес Пит. – Это нефилим. Пойди остуди голову, парень.

Бэт выругался и пошел к выходу. Напряженная спина выдавала клочущую в нем ярость. Громко хлопнула дверь.

Чужак уже не улыбался; теперь он смотрел на Стремного Пита с мрачным негодованием, словно бармен только что отобрал у него игрушку.

– Зачем? Я бы и сам справился.

Пит смерил Охотника взглядом.

– Меня волнует только судьба моего бара, – сказал он наконец. – Лучше бы тебе убраться отсюда по-хорошему, нефилим, если не хочешь лишних проблем.

– А кто сказал, что я не хочу лишних проблем? – заявил парень, усаживаясь на стул. – И вообще, я даже не успел допить виски.

Майя кинула взгляд на стену, где расплывалось мокрое пятно.

– По-моему, виски ты уже прикончил, – прокомментировала она.

Секунду парень смотрел на нее безо всякого выражения, затем в его золотистых глазах промелькнула едва заметная искра веселья. В этот момент он стал так похож на Даниэля, что Майя чуть не попятилась. Однако прежде, чем он успел ей ответить, перед ним возник другой стакан с янтарным напитком.

– Держи. – Пит предостерегающе взглянул на Майю.

Входная дверь распахнулась. На пороге стоял Бэт в обгазированной кровью рубашке. Майя вскочила и кинулась к нему:

– Ты ранен?

Лицо у него было совершенно серым, и серебристый шрам на щеке темнел, как кусок изломанной проволоки.

– Убийство, – произнес Бэт. – Там в переулке труп. Убит парень. – Он взглянул на свою рубашку и покачал головой: – Кровь не моя...

– Убийство? Но кто...

Ответ Бэта потонул в шуме голосов. Все вскочили с мест и поспешили на улицу. Пит вышел из-за стойки и начал проталкиваться через толпу. Только нефилим остался сидеть, склонившись над стаканом.

Через головы собратьев Майя увидела лужу крови на серой мостовой. Кровь не успела высохнуть и растекалась по брусчатке причудливыми побегами алого растения.

– Перерезали глотку? – спросил бармен у Бэта, на лице которого вновь начали проступать краски.

– Я видел кого-то в переулке. Кто-то стоял на коленях над телом... – Голос Бэта звучал глухо. – Словно не человек, а призрак. Он убежал прочь, как только заметил меня. А парень был еще жив. Я наклонился к нему, но... – Бэт передернул плечами, и Майя заметила, что жилы на его шее вздулись, как толстые корни, оплетающие ствол дерева. – Он умер, не сказав ни слова.

– Вампиры, – промолвила пухлая девушка-оборотень, стоявшая у двери. Майя припомнила, что ее зовут Амабель. – Дети тьмы. Это могли сделать только они.

Бэт посмотрел на нее, развернулся и направился к барной стойке. Он хотел было ухватить Охотника за воротник, но тот стремительно вскочил на ноги.

– В чем дело, вервольф?

– Ты оглох, нефилим? – прорычал Бэт. – Там на улице убитый парень. Один из наших.

– То есть оборотень или еще кто из нежити? – Охотник изогнул светлые брови. – Вы все для меня на одно лицо.

Кто-то глухо зарычал. Майя с удивлением поняла, что это Стремный Пит.

– Он же совсем еще щенок, – сказал Пит. – Его звали Джозеф.

Имя Майе ни о чем не говорило, но на лице у Пита полыхала такая ярость, что у нее внутри все сжалось. Стая была настроена убивать, и, если у нефилима осталась хоть толика здравого смысла, ему следовало бы бежать без оглядки. Однако здравым смыслом чужака природа обделила. Он смотрел на взбешенных оборотней своими золотыми глазами и улыбался.

– Молодой ликантроп?

– Из нашей стаи, – кивнул Пит. – Ему едва пятнадцать исполнилось.

– И чего ты теперь хочешь от меня?

Пит изумленно воззрился на него:

– Ты же нефилим! Конклав обязан защищать нас в таких случаях.

Парень неспешно оглядел бар, и во взгляде его сквозило такое высокомерие, что Пит побагровел.

– Я не вижу никакой опасности. Разве что плесень по углам может нанести вред здоровью – но этой беде поможет обычная хлорка.

– У порога бара лежит убитый оборотень, – процедил Бэт. – Тебе не кажется...

– Мне кажется, что именно его защищать уже поздно, – отрезал Охотник. – Ведь он мертв.

Пит по-прежнему не сводил с нефилима глаз. Уши у бармена заострились, а когда он снова заговорил, голос звучал глухо из-за растущих волчьих клыков.

– Лучше поберегись, – прорычал он. – Поберегись, мой тебе совет.

– Серьезно? – Охотник смотрел на него безо всякого выражения.

– Так что ты собираешься делать? – спросил Бэт.

– Я собираюсь допить виски, – сказал Охотник, взглянув на свой полупустой стакан на стойке, – если позволите.

– Так вот, значит, как обращается с нами Конклав спустя лишь неделю после подписания очередного Договора, – презрительно бросил Пит. – Смерть нежити ничего не значит?

Охотник улыбнулся, и Майя вздрогнула. Выражение у чужака было в точности как у Даниэля, когда брат собирался оторвать крылья божьей коровке.

– Ну да, вполне в духе нежити, – произнес он, – ожидать, что Конклав станет расхлебывать кашу, которую вы сами заварили. Можно подумать, нам есть дело до того, что какой-то щенок наварлся горлом на нож в темном переулке...

А потом нефилим выругался. Произнес слово, которое оборотни не терпели и никогда не произносили сами. Омерзительное бранное слово, означающее плод непристойного сожительства волка и человеческой женщины.

Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, Бэт бросился на Охотника, но тот уже исчез. Бэт споткнулся и завертелся юлой, ища обидчика. По толпе пронесся изумленный вздох.

Майя, разинув рот, смотрела на нефилима, который неведомым образом вскочил на барную стойку и теперь взирал на всех с высоты, широко расставив ноги. Сейчас он в самом деле был похож на ангела, готового обрушить на голову врага карающую десницу. Парень вытянул вперед руку... и поманил к себе разъяренную стаю. Оборотни не заставили себя ждать и толпой бросились на него.

Бэт и Амабель влезли на стойку, однако нефилим легко сбросил обоих на пол, уже усыпанный битым стеклом. Он двигался так стремительно, что его отражение в зеркале на стене казалось размытым пятном. При этом Охотник смеялся – даже когда его схватили за ноги и стащили со стойки и он исчез в клубке рук и ног. И даже когда в полумраке бара сверкнуло лезвие...

Майя затаила дыхание.

– Довольно!

В дверях стоял Люк – спокойный и хладнокровный. Выглядел он не просто усталым, а совершенно измочаленным, как будто что-то съедало его изнутри. И все же говорил он совершенно невозмутимо.

– Довольно. Оставьте парня в покое.

Стая немедленно отхлынула от нефилима, только Бэт остался на месте, вцепившись одной рукой в его воротник, а в другой сжимая короткий нож. На лице Охотника, залитом кровью, по-прежнему была улыбка, такая же опасная, как осколки битого стекла на полу.

– Это не просто парень, – сказал Бэт. – Это нефилим.

– Нефилимы вправе сюда заходить, – спокойно произнес Люк. – Они наши союзники.

– Он сказал, что это ничего не значит, – злобно бросил Бэт. – Про Джозефа...

– Я знаю. – Люк посмотрел на светловолосого чужака. – Ты явился сюда, чтобы нарваться на драку, Джейс Вэйланд?

Чужак, которого он назвал Джейсом, улыбнулся, растянув разбитые губы. По подбородку побежала тонкая струйка крови.

– Привет, Люк, – произнес он.

Услышав имя вожака стаи из его уст, Бэт в изумлении отпустил рубашку противника:

– Я не знал...

– Тут и знать нечего, – отрезал Люк. В его голосе засквозила такая же бесконечная усталость, как и во взгляде.

– Он заявил, что Конклаву безразлична смерть одного ликантропа, даже щенка! – прокотал Стремный Пит. – И это спустя всего неделю после подписания Договора!

– Джейс не может говорить от имени Конклава, – сказал Люк. – Так же как он не мог бы ничем нам помочь, даже если бы захотел. Правда ведь? – спросил он, переведя взгляд на побледневшего Джейса.

– Откуда ты...

– Я знаю, что произошло между тобой и Маризой, – добавил Люк.

Джейс как будто оцепенел, и на секунду Майя увидела то, что скрывалось под злобной веселостью, делавшей юношу столь похожим на Даниэля.

Там была боль и тьма, и в эту секунду взгляд Охотника напомнил Майе не ее брата, а отражение ее собственных глаз в зеркале.

– Кто тебе сказал? Клэри?

– Нет, не Клэри. – Майя никогда не слышала этого имени, но по тону поняла, что речь идет о ком-то очень важном и для Люка, и для светловолосого нефилима. – Я вожак стаи, Джейс. До меня быстро доходят слухи. Пойдем в кабинет Пита – надо поговорить.

Джейс помедлил пару секунд и пожал плечами.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Только с тебя виски, раз уж мне не дали тут спокойно выпить.

– Все, больше у меня вариантов нет. – Клэри тяжело вздохнула, опустилась на ступени, ведущие к музею Метрополитен и мрачно уставилась на Пятую авеню.

– Ну, предположение было логичное. – Саймон сел рядом с ней и вытянул перед собой длинные ноги. – Он любит оружие и вообще войну и вполне мог оказаться там, где хранится самая большая коллекция оружия в городе. Я, кстати, и сам не против посетить оружейные залы – можно почерпнуть массу идей для кампании.

Клэри посмотрела на него удивленно:

– Так ты все еще играешь? С Эриком, Кирком и Мэттом?

– Ну да, а что такого?

– Я думала, игры утратили для тебя всю прелесть после...

После того, как жизнь сама стала напоминать компьютерную игру. С героями, злодеями, ужасной магией и великими магическими артефактами, которые надо обязательно отыскать, чтобы одержать победу.

Только вот в любой игре герои всегда побеждают злодеев и возвращаются домой с сокровищами. А в жизни получилось, что сокровище они потеряли, и Клэри так до сих пор не поняла, кто тут герой, а кто злодей.

Она посмотрела на Саймона с грустью. Если бы он забросил любимые видеоигры, это была бы ее вина – так же, как и во всем, что случилось с ним за последние недели.

– Саймон...

– Сейчас я играю клериком-полутроллем, который должен отомстить оркам за убитую семью, – весело сказал Саймон. – Это круто!

Клэри расхохоталась, и тут у нее зазвонил телефон. Она раскрыла аппарат – звонил Люк.

– Мы его не нашли, – сказала Клэри в трубку.

– Зато нашел я, – прозвучало в ответ.

Клэри выпрямилась:

– Правда? Он с тобой? Можно поговорить с ним? – Она заметила, что Саймон пристально смотрит на нее, и понизила голос: – С ним все нормально?

– Более или менее.

– Что значит «более или менее»?!

– Подрался со стаей оборотней. Отделался синяками и царапинами.

Клэри прикрыла глаза. Зачем, ну зачем Джейсу понадобилось драться с оборотнями?! Что на него нашло? Хотя... это ведь Джейс. Он может помериться силами с грузовиком, если будет не в духе.

– Приезжай, – сказал Люк. – Его надо образумить, у меня пока ничего не выходит.

– Как вас найти? – спросила Клэри.

Люк объяснил. Бар на Хестер-стрит назывался «Охотничья луна». Клэри подумала, что он наверняка зачарован. Она захлопнула телефон и обернулась к Саймону, который наблюдал за ней, вскинув брови.

– Возвращение блудного сына?

– Вроде того, – бросила Клэри, поднимаясь и разминая усталые ноги.

Про себя она уже прикидывала, сколько придется ехать до Чайна-тауна на метро и не потратить ли выданные Люком карманные деньги на такси.

И все же от этой идеи пришлось отказаться – если будут пробки, на дороге можно застрять надолго.

– Вместе с тобой? – Саймон стоял на ступеньку ниже Клэри, поэтому их глаза оказались на одном уровне. – А?

Клэри в замешательстве открыла рот и тут же захлопнула его, не найдя что ответить.

– Да ты вообще не слышала ни слова из того, что я тебе сейчас говорил! – возмущенно воскликнул Саймон.

– Извини, – смущенно кивнула Клэри. – Я думала о Джейсе. Похоже, ему очень крепко досталось.

Глаза Саймона потемнели.

– И ты, значит, со всех ног бежишь перевязывать ему раны?

– Люк попросил меня приехать. Я надеялась, что ты поедешь со мной.

Саймон пнул ступеньку носком ботинка:

– Хорошо, я поеду. Только зачем? Люк не может отправить Джейса назад в Институт без твоей помощи?

– Наверняка может. Но он хочет, чтобы я сначала выяснила у Джейса, что происходит.

– А я-то думал, мы с тобой сегодня куда-нибудь ходим, – протянул Саймон. – В кино, например. Или поужинаем где-нибудь в центре.

Клэри смотрела на него и слушала шум воды, плещущей из фонтана рядом с музеем. Она вспомнила о том, что произошло на кухне, о влажных пальцах Саймона в своих волосах, но все это было сейчас очень далеко – как будто смотришь на старую фотографию и не можешь вспомнить, когда и как это снимали.

– Он мой брат. Я должна к нему приехать.

У Саймона, похоже, не осталось сил даже на то, чтобы вздохнуть.

– Ладно, поехали, – сказал он.

Кабинет хозяина «Охотничьей луны» находился в конце узкого коридора. Пол устлали опилки, разворошенные множеством ног и местами облитые какой-то темной жидкостью, мало напоминавшей пиво. Пахло табачным дымом и самую чуточку – мокрой псиной, хотя Клэри в жизни не сказала бы об этом Люку.

– Он не в настроении, – предупредил Люк, остановившись перед закрытой дверью. – Я запер его у Стремного Пита в кабинете после того, как он голыми руками чуть не разорвал половину моей стаи. Со мной говорить отказывается, вот я и решил позвать тебя. – Тут Люк заметил выражение лиц Клэри и Саймона: вид у обоих был весьма озадаченный. – В чем дело?

– Поверить не могу, что Джейс решил прийти сюда! – выдохнула Клэри.

– Поверить не могу, что вы знаете кого-то по прозвищу Стремный Пит! – заявил Саймон.

– А я вообще знаю довольно много людей, – сказал Люк. – Правда, Стремный Пит не совсем человек, но раз уж на то пошло – я тоже.

Он распахнул дверь кабинета, и Клэри увидела скупо обставленную комнату без окон. Стены украшали спортивные флаги. На столе, заваленном ворохом бумаг, стоял маленький телевизор, а за столом в кресле, обтянутом такой старой, потрескавшейся кожей, что она напоминала мрамор с прожилками, сидел Джейс.

Как только дверь открылась, Джейс ухватил со стола желтую перьевую ручку и метнул ее. Она просвистела в воздухе, вонзилась в стену прямо рядом с головой Люка и застряла, вибрируя. Глаза Люка расширились. Джейс слабо улыбнулся:

– Прости, я не сразу понял, что это ты.

У Клэри сжалось сердце. Она не видела Джейса много дней и теперь заметила, как он изменился – и дело было даже не в пятнах крови и явно свежих синяках на лице. Ей показалось, что он осунулся и скулы у него стали выдаваться еще резче.

Люк поманил Саймона и Клэри за собой:

– Я привел к тебе гостей.

Взгляд Джейса не отражал никаких эмоций, как будто он взирает на них с портрета.

– К сожалению, перо было одно, – произнес он.

– Джейс... – начал Люк.

Юноша перебил его:

– Пусть уйдет. – Он кивнул головой на Саймона.

– Как ты можешь?! – возмутилась Клэри. Неужели он забыл, что Саймон спас жизнь Алеку, а может, даже им всем?

– Скройся, примитивный, – повторил Джейс, указывая на дверь.

Саймон махнул рукой:

– Ладно, я подожду в коридоре.

Он вышел и даже не хлопнул дверью, хотя Клэри почувствовала, что это стоило ему усилия. Она обернулась к Джейсу, собираясь его отчитать:

– Как ты можешь вести себя так... – И осеклась. Джейс выглядел таким беззащитным, таким неожиданно уязвимым...

– Нелюбезно? – закончил он за Клэри. – Видишь ли, со мной это бывает – в дни, когда моя приемная матушка вышвыривает меня из дома с напутствием никогда больше не омрачать своей тенью ее порог. А вообще-то я добрейшей души человек. Особенно по четвергам после дождя.

Люк нахмурился:

– Нельзя сказать, что я питаю к Маризе и Роберту Лайтвудам особо нежные чувства, но все же не могу поверить в то, что Мариза так поступила.

Джейс удивился:

– Ты знаешь их? Знаешь Лайтвудов?

– Они входили в Круг вместе со мной, – сказал Люк. – А теперь, как ни странно, возглавляют здесь Институт. Видимо, после Восстания заключили сделку с Конклавом в обмен на мягкий приговор. – Он помолчал. – Мариза объяснила, по какой причине выгоняет тебя из дома?

– Она не поверила, что я и правда считал Майкла Вэйланда своим отцом. Обвинила меня в том, что я с самого начала был в сговоре с Валентином. Мол, это я помог ему ускользнуть с Чашей смерти.

– Почему тогда ты просто не убежал с Валентином? – спросила Клэри.

– На этот вопрос она мне не ответила. Вероятно, считает, что я остался при них шпионить. Что в моем лице они пригрели змею на груди. Конечно, она выбрала другую формулировку, но общий смысл примерно такой.

– Шпион Валентина? – Люк был поражен.

– Мариза уверена, что Валентин надеется на теплые чувства, которые они с Робертом ко мне питают. Что, мол, это заставит их слепо мне верить. Поэтому Мариза решила все эти теплые чувства просто задушить.

– Очень глупо, – покачал головой Люк. – Нельзя взять и выключить любовь, словно перекрыть кран. Особенно по отношению к своим детям.

– Они не мои настоящие родители.

– Неважно. Кровное родство тут значения не имеет. Они выполняли роль твоих родителей семь лет – вот что главное. Маризе просто сейчас тяжело.

– Тяжело? – изумленно переспросил Джейс. – Ей тяжело?

– Не забывай, она когда-то любила Валентина, – сказал Люк. – Так же, как и все мы. Он разбил ей сердце. Теперь она боится, что его сын сделает то же самое. Она боится, что все это время ты лгал. Что человек, которого она растила как сына, оказался шпионом, предателем. Ты должен утешить ее, объяснить, что это все не так.

Во взгляде Джейса читалось упрямство.

– Мариза – взрослая женщина! Уж в моих-то утешениях она не нуждается!

– Ну, хватит, Джейс, – вмешалась Клэри. – Взрослые не всегда ведут себя идеально. Они тоже могут ошибаться. Возвращайся в Институт и поговори с ней спокойно. Будь мужчиной.

– Не хочу быть мужчиной, – заявил Джейс. – Хочу быть вздорным подростком, который не в состоянии одолеть собственных демонов и поэтому на всех вокруг рычит.

– Ну что ж, у тебя прекрасно получается, – кивнул Люк.

– Джейс, – быстро встала Клэри, опасаясь, как бы они не начали ссориться по-настоящему, – ты должен вернуться в Институт. Вспомни об Иззи и Алеке.

– Мариза придумает что-нибудь, чтобы их успокоить. Скажет, что я просто сбежал.

– Нет, – покачала головой Клэри. – Когда я говорила с Изабель, она была на грани истерики.

– Изабель постоянно на грани истерики, – пробормотал Джейс, но вид у него сделался польщенный. Он откинулся на спинку кресла; синяки на скуле и подбородке темнели на коже, как бесформенные знаки. – Я не вернусь в дом, где мне не верят. Мне уже не десять лет, я сам о себе позабочусь.

Люка это явно не убедило.

– Куда ты пойдешь? Где будешь жить?

Глаза Джейса сверкнули.

– Мне семнадцать, я почти взрослый. А любому взрослому Охотнику положено...

– Любому взрослому. Ты – не взрослый. Ты не можешь работать на Конклав, потому что еще слишком юн, и Лайтвуды по закону обязаны о тебе заботиться. Если они откажутся, назначат другого опекуна или...

– Или что? – Джейс вскочил на ноги. – Меня отправят в приют в Идрисе? Или повесят на шею какой-нибудь семье, которую я даже не знаю? Я могу найти работу у примитивных, пожить среди них...

– Не можешь, – сказала Клэри. – Уж поверь мне, знаю на личном опыте. Ты слишком юн для любой более или менее достойной работы. Кроме того, твои навыки вряд ли будут востребованы. Большинство наемных убийц все же постарше тебя. И они преступники.

– Я не убийца.

– Если бы ты жил среди обычных людей, – произнес Люк, – это называлось бы именно так.

Джейс окаменел и сжал губы.

– Вы не понимаете! – воскликнул он с неожиданным отчаянием в голосе. – Я не могу вернуться. Мариза потребовала, чтобы я сказал, что ненавижу Валентина.

Он поднял подбородок и посмотрел на Люка с мрачной решимостью, будто ожидал, что тот ужаснется или будет насмехаться над ним. В конце концов, у Люка было больше причин ненавидеть Валентина, чем у кого-либо другого.

– Я знаю, – вместо этого сказал Люк. – Я тоже его когда-то любил.

Джейс вздохнул с облегчением, и Клэри вдруг поняла, зачем он пришел в бар оборотней. Не для того, чтобы нарваться на драку, а чтобы найти Люка. Ведь Люк наверняка бы его понял. Она напомнила себе, что на самом деле не все поступки Джейса пахивали безумием или самоубийством. Хотя впечатление создавалось именно такое.

– Тебе не следует говорить, что ненавидишь отца, – сказал Люк. – Даже для успокоения Маризы. Она должна понять.

Клэри внимательно смотрела на Джейса, пытаясь прочесть противоречивую гамму чувств, написанных на его лице. Увы, так можно читать книгу на лишь смутно знакомом языке.

– Мариза и правда сказала, чтобы ты никогда больше не возвращался? – спросила она. – Или ты так истолковал ее слова и ушел?

– Она сказала, что лучше мне какое-то время пожить в другом месте, – ответил Джейс. – Где именно, она не уточнила.

– А ты дал ей такую возможность? – поинтересовался Люк. – Послушай, Джейс, я буду рад, если ты поживешь у меня – столько, сколько потребуется. Имей в виду.

Клэри почувствовала, как у нее внутри что-то оборвалось. Мысль о том, что Джейс будет жить с ней в одном доме, наполнила сердце смесью ужаса и восторга.

– Спасибо, – сказал Джейс ровным голосом.

Но его взгляд немедленно метнулся к Клэри, и в нем отразилась смесь тех же эмоций, которые переполняли ее саму. Про себя Клэри почти пожелала, чтобы Люк иногда не был таким великодушным. Или таким слепым.

– Однако, – продолжил Люк, – я считаю, что ты должен прийти в Институт, спокойно и обстоятельно поговорить с Маризой и выяснить, что на самом деле происходит. Сдается мне, все гораздо сложнее, чем она тебе рассказала. Возможно, ты что-то не пожелал услышать.

Джейс с видимым усилием оторвал взгляд от Клэри.

– Хорошо, – хрипло произнес он. – Однако один я туда не пойду.

– Я пойду с тобой, – с готовностью предложила Клэри.

– Я знаю, – тихо ответил Джейс. – Я тоже хочу, чтобы ты пошла. Но и Люк составит нам компанию.

На лице Люка отразилось смятение.

– Джейс... Я прожил здесь пятнадцать лет и никогда не был в Институте. Ни единого раза. Вряд ли Мариза будет рада меня видеть...

– Пожалуйста, – попросил Джейс.

Он произнес это единственное слово очень спокойно и тихо, но Клэри почувствовала почти осязаемую гордость, на которую Джейсу пришлось для этого наступить.

– Хорошо, – согласился Люк. Ему, жожаку стаи, не раз приходилось делать что-то неприятное, однако совершенно необходимое. – Я пойду с тобой.

Саймон ждал в коридоре, прислонившись к стене и пытаясь себя не жалеть.

А ведь день начинался так хорошо. Ну, по крайней мере, неплохо. Сначала случилась маленькая неприятность со злосчастным фильмом про Дракулу, из-за которого Саймона замутило, он утратил над собой контроль, и все подавляемые желания вдруг вылезли наружу. Потом у него сдали нервы, и он вдруг, сам того не ожидая, поцеловал Клэри – так, как мечтал поцеловать уже много лет. Говорят, что, когда заветное желание исполняется, ощущения совсем не те, каких ожидаешь. Так вот, это неправда.

И Клэри ответила на поцелуй.

А теперь она была за этой дверью с Джейсом, и Саймон чувствовал, что внутри у него все сжимается, словно он наглотался червей. Отвратительное ощущение, и уже привычное, хоть появилось не так давно – гораздо позже того, как он осознал, что влюблен в Клэри. Он не пытался давить на нее, не пытался показать свои чувства. Он всегда верил в то, что однажды она забудет детские мечты о мультяшных принцах и героях боевиков и поймет то, что уже давно очевидно, – они с Саймоном созданы друг для друга. И пусть пока Клэри не проявляла никакого интереса к давнему другу; по крайней мере, ее не интересовал никто другой.

А потом объявился Джейс. Саймон вспомнил, как сидел на крыльце в доме Люка, Клэри рассказывала ему, кто такой Джейс и чем он занимается, а Джейс с надменным видом изучал свои ногти. Саймон тогда едва слышал, что говорила Клэри. Его мысли занимало то, как она

смотрит на этого белобрысого парня со странными татуировками и смазливym точеным лицом. Слишком смазливym, заключил Саймон. Клэри, увы, этого мнения не разделяла. Она смотрела на Джейса так, будто один из ее мультяшных принцев вдруг сошел с экрана. Она еще ни на кого так не смотрела, и Саймон надеялся, что когда-нибудь она будет смотреть так только на него. Но все вышло иначе, и теперь ему было очень больно.

Когда выяснилось, что Джейс – брат Клэри, Саймон понял, что чувствует приговоренный к расстрелу, которого уже приставили к стенке и вдруг в самый последний момент помиловали. Мир вновь показался полным прекрасных возможностей.

А потом все опять пошло наперекосяк.

– Эй ты! – Кто-то невысокий шел к Саймону по коридору, осторожно обходя темные пятна на полу. – Случайно не Люка ждешь? Он там?

– Не совсем... – Саймон отошел от двери. – То есть он там, но не один. С ним мой друг.

К Саймону подошла смуглая девушка лет шестнадцати – маленькая, пухлая, с широкими бедрами и узкой талией. Ее золотисто-коричневые волосы были заплетены во множество тонких косичек, а лицо по форме напоминало сердечко.

– Тот парень, который устроил драку в баре? Нефилим, что ли?

Саймон молча пожал плечами.

– Не хочу тебя расстраивать, но твой друг – придурок, – заявила девушка.

– Он не мой друг, – отрезал Саймон. – И я с тобой совершенно согласен.

– Ты же говоришь...

– Я жду его сестру, – объяснил Саймон. – Это она мой лучший друг.

– И она сейчас там, вместе с ним? – спросила девушка, указав на дверь.

На всех пальцах у нее поблескивали кольца из бронзы и золота. Джинсы на ней были потертые, но чистые, а когда она повернула голову, Саймон заметил на ее шее шрам, прямо над воротом футболки.

– Братья часто бывают придурками, – неохотно признала девушка. – Наверное, ее вины тут нет.

– Ну да, – кивнул Саймон, – просто она единственный человек, которого он может слушать.

– Сдается мне, этот парень вообще не любит слушать, – проворчала девушка – и вдруг заметила, что Саймон смотрит на ее шею. Это, похоже, ее позабавило. – Шрам разглядываешь? От укуса остался.

– От укуса? То есть ты...

– Оборотень, – сказала девушка. – Тут все оборотни. Кроме тебя и придурка за этой дверью. Ну и еще сестры придурка.

– Но ты же не всегда была оборотнем? В смысле, ты родилась человеком?

– Большинство из нас родились людьми, – сказала девушка. – Этим мы отличаемся от твоих дружков-нефилимов.

– Что? – переспросил Саймон.

– Мы знаем, что значит быть человеком, – ответила девушка с едва заметной улыбкой.

Саймон промолчал.

После секундной паузы девушка протянула ему руку:

– Меня зовут Майя.

– Саймон, – представился Саймон и пожал руку. Ладонь была сухая и мягкая. Майя смотрела на него из-под ресниц, золотисто-коричневых, как поджаренный тост. – Откуда ты знаешь, что Джейс придурок? Точнее, как ты об этом узнала?

– Он перевернул бар вверх дном. Ударил моего друга Бэта. Устроил драку. Некоторых из нашей стаи отправил в нокаут.

– И что с ними теперь? – Хотя Джейс выглядел безмятежным, Саймон не сомневался, что он мог бы убить кого-нибудь с утраца, а потом спокойно позавтракать. – Вы позвали врача?

– Мага, – уточнила девушка. – От обычного врача нам никакого толку.

– Нам – то есть нежить?

Майя вскинула брови:

– Да ты, я смотрю, уже успел нахвататься у нефилимов жаргона!

– Откуда ты знаешь, что я не один из них? – Саймон был уязвлен. – Или из вас? Может, я нефилим? Или нежить? Или...

Девушка покачала головой, так что косички заплесали.

– Ты ее просто излучаешь, – сказала она с оттенком горечи. – Свою человечность.

– Может, постучать? – спросил Саймон, почувствовав себя неожиданно глупо. – Раз тебе нужен Люк...

Майя пожала плечами:

– Просто передай ему, что пришел Магнус, осматривает место преступления. – Заметив в его глазах замешательство, она добавила: – Магнус Бейн. Маг.

Саймон чуть не ляпнул «я знаю», но вовремя прикусил язык. Разговор и без того выходил очень странным.

– Хорошо.

Майя пошла к выходу, однако в дверях остановилась:

– Думаешь, сестра сможет его образумить?

– Если он вообще кого-то слушает, то только ее.

– Как мило, – пробормотала Майя. – Как мило, что он любит сестру.

– О да, – сказал Саймон. – Сам умиляюсь.

3. Инквизитор

В первый раз Институт предстал перед Клэри в обличье полуразрушенного храма с обвалившейся крышей и входом, затянутым грязной желтой полицейской лентой. Теперь ей даже не пришлось прилагать усилий, чтобы различить то, что скрывала иллюзия. Еще издали Клэри увидела Институт именно таким, каким он был на самом деле, – огромным готическим собором, устремляющим в темное небо острые шпили.

Люк молчал. На лице у него явственно отражалась внутренняя борьба. Поднимаясь по ступенькам, Джейс привычным движением потянулся к карману рубашки и невесело усмехнулся:

– Ну да, совсем забыл. Мариза отобрала у меня ключи.

– Логично. – Люк провел пальцем по символам, вырезанным на деревянной двери прямо под архитравом. – Совсем как врата Зала Совета в Идрисе. Не думал, что мне вновь придется их увидеть.

Клэри не хотелось отвлекать его от воспоминаний, однако на ностальгию времени не было.

– Если нет ключа...

– На самом деле ключ не нужен. Двери Института должны открыться перед любым нефилимом, не желающим зла его обитателям.

– А если его обитатели желают зла нам? – негромко спросил Джейс.

Люк криво улыбнулся:

– А вот это вряд ли помешает вратам впустить нас.

– Ну да, Конклав всегда все устраивает в свою пользу.

Голос у Джейса звучал глухо из-за распухшей верхней губы, под левым глазом наливался синяк. Клэри с удивлением осознала, что он не стал прибегать к исцелению после драки.

– У тебя что, и стило забрали? – спросила она.

– Я сам не взял, – ответил Джейс. – Мне от Лайтвудов ничего не нужно.

Люк бросил на него обеспокоенный взгляд:

– Охотнику необходимо стило.

– Добуду другое, – отрезал Джейс и приложил руку к вратам. – Именем Конклава прошу дозволения войти в это священное место. Именем ангела Разиэля прошу благословить меня на...

Двери в собор распахнулись. Внутри царил полумрак, освещаемый огоньками свечей в высоких железных канделябрах.

– Надо же, как все просто, – пожал плечами Джейс. – Даже до конца не дослушали. Интересно, а если бы я попросил благословить меня на истребление всех, кто носит белые носки с черными ботинками?

– Ангел слышит твои мысли, – сказал Люк. – Необязательно произносить их вслух, Джонатан.

По лицу Джейса пробежала тень – неуверенности, удивления, облегчения? Но сказал он лишь:

– Не зовите меня так.

Они прошли мимо пустых деревянных скамеек, мимо сияющего пламенем свечей алтаря. Люк с интересом оглядывался по сторонам, особенно его удивил лифт, похожий на золотую птичью клетку.

– Это явно придумала Мариза, – произнес он, когда двери открылись. – Вполне в ее вкусе.

– Когда меня сюда привели, лифт уже тут был, – сказал Джейс.

Наверх они ехали в молчании. Клэри нервно вертела в пальцах бахромую шарфу. Ее мучила неловкость за то, что отправила Саймона домой, пообещав позвонить. Он явно почувствовал, что ему самым бесцеремонным образом дали отставку. По крайней мере, уходил он очень обиженным. И все же взять Саймона с собой Клэри никак не могла – незачем ему смотреть, как Люк будет просить Маризу Лайтвуд сменить гнев на милость.

Лифт, вздрогнув, остановился. У выхода их ожидал кот по имени Черч со сбитым набок красным бантом на шее.

– Где Мариза? – спросил Джейс, погладив кота.

Черч громко замурлыкал и направился по коридору, как будто приглашая следовать за собой. Люк продолжал с любопытством оглядываться.

– Не думал, что увижу местный Институт изнутри...

– Как впечатления? – поинтересовалась Клэри.

– Очень похоже на Институты в Лондоне и Париже. Хотя здесь как будто...

– Как будто что? – спросил Джейс, который прежде молча шел впереди.

– Холоднее, – закончил Люк.

Джейс ничего не ответил. Черч привел их к дверям библиотеки и сел в стороне, давая понять, что дальше он идти не намерен. За массивной деревянной дверью были слышны голоса, однако Джейс вошел без стука.

Раздался изумленный возглас. Клэри с замиранием сердца вспомнила о раскатистом басы Ходжа, звучавшем в этих стенах. Ходж ведь практически жил в библиотеке, а вместе с ним и ручной ворон Хугинн, который по приказу хозяина едва не выклевал Клэри глаза.

Конечно, сейчас там был вовсе не Ходж.

За столешницей красного дерева, покоящейся на каменных спинах двух коленопреклоненных ангелов, сидела женщина средних лет. У нее были темные волосы, как у Изабель, и худощавое телосложение, как у Алека. На ее пальцах сверкали разноцветные перстни, казавшиеся еще ярче на фоне строгого черного костюма.

Перед ней стоял стройный смуглый юноша с вьющимися темными волосами. Когда он обернулся к двери, Клэри вскрикнула от неожиданности:

– Рафаэль?!

Юноша также явно не ожидал встречи, однако быстро совладал с собой и улыбнулся, обнажив острые белые клыки.

– Dios! – воскликнул он, глядя на Джейса. – Что случилось, брат? Подрался со стаей волков?

– Либо ты невероятно проницателен, либо до тебя уже дошли слухи, – ответил Джейс.

Улыбка вампира стала еще шире.

– Слухи доходят до меня быстро.

Женщина встала из-за стола:

– Джейс, что произошло? Почему ты вернулся? Я думала, ты останешься у... – Она осеклась, видимо только сейчас заметив Клэри. – Это еще кто?

– Я сестра Джейса, – сказала Клэри.

– Заметно, – произнесла Мариза, не сводя с нее глаз. – Вылитый Валентин. Зачем ты ее сюда привел, Джейс? Она ведь из примитивных, я правильно понимаю? Вам всем опасно здесь находиться. А примитивным – особенно.

– Ну я-то не примитивный, – сказал Люк с еле заметной улыбкой.

Мариза равнодушно посмотрела на него, и вдруг глаза ее расширились.

– Люциан?!

– Привет, Мариза. Сколько лет, сколько зим...

Миссис Лайтвуд осторожно опустилась в кресло и положила руки на стол, вдруг как будто постарев.

– Люциан, – повторила она. – Люциан Греймарк...

– Это ты убил Габриэля? – произнес вампир, наблюдавший эту сцену, по-птичьи склонив голову набок.

– Да, – к изумлению Клэри, сказал Люк. – А он убил вожака, заправлявшего в стае до него. Так заведено у оборотней.

– Ты вожак? – переспросила Мариза.

– Если ты вожак, нам есть о чем поговорить. – Рафаэль грациозно склонил голову в знак почтения, однако глаза его смотрели настороженно. – Хотя, вероятно, сейчас не лучшее время.

– Поговорим, обязательно, – согласился Люк. – В последнее время навалилось много дел, было не до дипломатии.

– Это уж точно. – Рафаэль повернулся к Маризе. – Надеюсь, мы пришли к пониманию?

– Раз ты утверждаешь, что дети ночи непричастны к убийствам, я вынуждена поверить тебе на слово, – нехотя ответила Мариза. – По крайней мере, пока не прольется свет на другие улики.

– Прольется свет?... – повторил Рафаэль, нахмурившись. – Не лучшая формулировка.

Клэри заметила, что вампир вдруг сделался полупрозрачным, словно размытая фотография. Сквозь него можно было даже различить контуры материков на металлическом глобусе Ходжа. Рафаэль буквально таял в воздухе, как карандашный набросок, по которому прошлись ластиком, и наконец совсем исчез. Мариза вздохнула с облегчением.

– Это что, призрак? – выдохнула Клэри. – Рафаэль умер?

– Нет, – сказал Джейс. – Просто проекция. Вампир не может явиться в Институт во плоти.

– Почему?

– Потому что это священное место, а он проклят, – ответила Мариза и обратила взгляд льдистых голубых глаз на Люка. – Так, значит, ты теперь вожак стаи? Ну что ж, ничего удивительного. Именно этого и стоило от тебя ожидать.

Люк как будто не услышал сарказма:

– О чем вы говорили с Рафаэлем? Об убийстве одного из наших?

– Да, и не только, – сказала Мариза. – Два дня назад в центре города было обнаружено тело убитого мага.

– Почему ты допрашивала Рафаэля?

– Тело мага было обескровлено. Есть версия, что убийца ликантропа также охотился за кровью. Ему просто помешали. Конечно, в первую очередь подозрение пало на вампиров. Но Рафаэль утверждает, что его народ не имеет к этому отношения.

– Вы ему верите? – спросил Джейс.

– Сейчас я не намерена обсуждать с тобой дела Конклава, – отрезала Мариза. – И уж тем более в присутствии Люциана Греймарка.

– Я теперь просто Люк, – безмятежно произнес оборотень. – Люк Гэрровэй.

– Тебя вообще не узнать, – сказала Мариза. – Не отличить от простого смертного.

– Именно этого я и добивался.

– Мы думали, ты погиб.

– Вы надеялись, – все так же безмятежно поправил Люк. – Вы *надеялись*, что я погиб.

Мариза скривилась, как будто проглотила рыбью кость.

– Вы можете присесть, – сказала она наконец. – И объясните мне, зачем сюда явились.

– Джейс требует, чтобы его судил Конклав, – сказал Люк без лишних предисловий. – Я готов за него поручиться. Я был в развалинах Ренвика, когда объявился Валентин. Мы сражались и едва не убили друг друга. Я могу подтвердить, что Джейс говорит правду.

– Вряд ли твое слово будет иметь вес, – промолвила Мариза.

– Да, я ликантроп, – ответил Люк, – но я также Охотник. Если надо, я готов пройти испытание Мечом.

Испытание Мечом? Клэри поежилась и взглянула на Джейса. Тот сидел в расслабленной позе и внешне был совершенно спокоен, но Клэри чувствовала, что на самом деле он напряжен, как сжатая пружина. Поймав ее взгляд, он объяснил:

– Меч Душ. Второе Орудие смерти. С его помощью можно проверить, говорит нефилим правду или ложь.

– Ты не Охотник, – сказала Мариза Люку. – Ты уже очень давно не живешь по законам Конклава.

– Когда-то и ты не жила по этим законам, – парировал он, и Мариза залилась краской. – Я надеялся, что время, когда ты никому не доверяла, прошло.

– Есть вещи, которые невозможно забыть, – сказала она угрожающим шепотом. – Валентин инсценировал собственную смерть. Думаешь, это была его самая жестокая ложь? Думаешь, обаяние – то же самое, что и честность? Я думала так, и ошиблась! – Она вскочила с места и перегнулась к Люку через стол: – Он говорил, что пожертвует жизнью ради дела Круга; того же он ожидал от нас. Мы все с радостью погибли бы за него! Все! Знаю – сама едва не погибла! Ты ведь помнишь, что он нам сказал: Восстание будет бескровным, Кругу будет противостоять лишь несколько безоружных послов, победа достанется легко и быстро... Я была в этом так уверена, что оставила Алека одного в колыбели! Я попросила Джослин присмотреть за детьми, но она отказалась. Теперь ясно почему. Она знала! И ты знал! И вы не предупредили нас!

– Я предупреждал, что Валентин доведет вас до беды, – сказал Люк. – Ты не хотела слушать.

– Я не об этом! Никто не предупредил нас о том, чем кончится Восстание! Нас было всего пятьдесят против пятисот низших...

– Но ты перебила бы их безоружными, если бы численный перевес был у вас, – напомнил Люк.

– Это они перебили нас! – Мариза сжала кулаки. – Устроили настоящую резню. Валентин исчез. Конклав окружил Зал Договоров. Мы думали, что Валентин погиб, и готовились расстаться с жизнью в последнем бою. Но я вспомнила об Алеке, подумала о том, что станет с ним без меня... – Голос Маризы дрогнул. – Я сложила оружие и сдалась на милость Конклава.

– Ты поступила правильно, – сказал Люк.

– Я не нуждаюсь в твоём одобрении, вервольф! – воскликнула Мариза, сверкнув глазами. – Если бы не ты...

– Не смейте кричать на него! – перебила ее Клэри. – Вы сами виноваты! Вы поверили Валентину!

– Думаешь, я этого не знаю, девочка? – сухо спросила Мариза. – Если я и не понимала этого тогда, Конклав объяснил все предельно доходчиво. У них был Меч Душ, они могли отличить ложь от правды, однако ничто на свете не могло заставить нас говорить, пока они...

– Что они сделали? – быстро спросил Люк. – Я до сих пор не знаю, каким образом им удалось настроить вас против Валентина.

– Просто сказали нам правду, – устало произнесла Мариза. – Что Валентин не погиб, что он бежал, бросив нас на гибель... На этом правда закончилась. Нас убедили, что смерть настигла Валентина уже после Восстания, что он сгорел в своем доме заживо. Показали его обугленные кости и оплавленный амулет... К тому моменту все пошло прахом. Перед битвой Валентин отвел меня в сторону и заявил, что я его самый верный соратник, что он доверяет мне больше всех. Когда Конклав допросил нас, выяснилось, что он сказал это всем членам Круга, всем до единого.

– Нет врагов страшней, чем жены и подруги прошлых дней... – прошептал Джейс так тихо, что его слышала лишь Клэри.

– То есть он лгал не только Конклаву, он лгал нам, – продолжала Мариза, глядя теперь прямо в глаза Джейсу. – Он использовал в своих целях нашу преданность, нашу любовь. И

надеялся сыграть на этом, отправляя тебя к нам. Теперь он вернулся, и в его руках Чаша смерти. Все, что случилось, было частью его замысла. Ты хочешь, чтобы я верила тебе, Джейс? Прости, я не могу себе этого позволить.

Джейс молчал. Его лицо оставалось бесстрастным, только синяк на скуле стал казаться еще ярче на фоне побелевшей кожи.

– И что теперь? – спросил Люк. – Что ему, по-твоему, делать? Куда идти?

Взгляд Маризы остановился на Клэри.

– К сестре, например. Вернуться в родную семью...

– У Джейса есть сестра Изабель, – перебила ее Клэри. – И братья Алек и Макс. Что вы скажете им? Что выгнали его из дома? Они вас возненавидят!

– Откуда такая уверенность? – поинтересовалась Мариза.

– Я знаю Изабель и Алека, – ответила Клэри. Она вдруг подумала о Валентине и отогнала непрошеную мысль прочь. – Семья – это не просто узы крови. Я не считаю Валентина своим отцом. Мой отец – Люк. Семья Джейса – это Алек, Изабель и Макс. Если вы его выгоните, вы нанесете своей семье рану, которая не заживет никогда.

Люк взглянул на Клэри с уважением, а в глазах Маризы как будто промелькнула тень неуверенности.

– Не надо, Клэри, – тихо сказал Джейс.

По его голосу было ясно, что он уже считает всю эту затею безнадежной, однако Клэри сдаваться не собиралась.

– А как же Меч? – требовательно произнесла она.

– Меч? При чем тут меч? – в замешательстве переспросила Мариза.

– Меч Душ, отличающий правду от лжи. Почему вы не хотите испытать им Джейса?

– Неплохая мысль! – оживился Джейс.

– Клэри, ты, конечно, хочешь как лучше, но ты незнакома с процедурой испытания, – заметил Люк. – Мечом может пользоваться лишь Инквизитор.

– Вызывайте Инквизитора, – быстро сказал Джейс. – Я хочу решить этот вопрос раз и навсегда.

– Не надо! – запротестовал Люк.

– Инквизитор уже в пути, – промолвила Мариза, не сводя глаз с Джейса.

– Не может быть, – упавшим голосом произнес Люк. – Неужели ты сама пригласила сюда эту женщину!

– Конечно нет! – вспыхнула Мариза. – Ты думал, Конклав станет безучастно наблюдать за всем этим кошмаром с Отреченными, порталами, инсценированными смертями?! После того, что выкинул Ходж?! Мы все теперь под следствием! – Мариза посмотрела на резко побледневшего Джейса и мрачно закончила: – Инквизитор может отправить тебя в тюрьму. Может лишить всех знаков. Именно поэтому я подумала, что будет лучше...

– ...отправить Джейса подальше от дома, – закончил за нее Люк.

– Кто такой Инквизитор? В смысле, кто *такая*? – вмешалась Клэри. Само слово звучало угрожающе, вызвало мрачные мысли о застенках, биче и дыбе.

– Инквизитор от имени и по поручению Конклава расследует действия Сумеречных охотников, – ответил Люк. – Следит за тем, чтобы ни один нефилим не нарушал Закон. После Восстания она допрашивала всех, кто входил в Круг.

– Это она прокляла Ходжа? – спросил Джейс. – Она сослала вас сюда?

– Да, меру наказания определяла Инквизитор. Твоего отца она ненавидит, а к нам относится весьма прохладно.

– Я остаюсь, – заявил Джейс. – Если она явится и не найдет меня, то решит, что вы меня нарочно укрываете. Вас накажут! Всю семью!

Мариза молчала.

– Он прав, – сказал Люк. – Если отошлешь Джейса прочь, вина падет на твой дом. Если оставишь его до прибытия Инквизитора и позволишь провести испытание Мечом, это расценят как жест доброй воли и желание сотрудничать.

– Ты с ума сошел?! – воскликнула Клэри. – Ему нельзя здесь оставаться!

Испытание Мечом уже не представлялось ей спасительной идеей. Клэри пожалела о том, что вообще о нем заговорила. Судьба Джейса не должна зависеть от этой ужасной женщины!

– Если Джейс скроется, путь назад для него будет отрезан, – резонно заметил Люк. – Он покинет ряды Охотников. Инквизитор – правая рука самого Закона, нравится нам это или нет. Чтобы остаться в лоне Конклава, Джейс должен подчиниться ей. Кроме того, не будем забывать, что у Джейса есть преимущество, которого не было у членов Круга после Восстания.

– Какое же? – спросила Мариза.

Люк едва заметно улыбнулся:

– В отличие от вас, Джейс говорит правду.

Мариза тяжело вздохнула и повернулась к приемному сыну:

– Ну что ж, выбор за тобой. Если хочешь пройти испытание, можешь остаться здесь до прибытия Инквизитора.

– Я остаюсь, – твердо сказал Джейс.

Клэри удивилась тому, как бесстрастно прозвучал его голос. Джейс смотрел сквозь Маризу, и в его глазах как будто плясал свет отраженного огня. Клэри подумала, что сейчас он и правда необыкновенно похож на своего отца.

4. Кукушонок в гнезде

Холодильнику Люка была устроена ревизия. Саймон рылся в его недрах и перечислял:
– Апельсиновый сок, патока, яйца – правда, просроченные... А это что?... Похоже, зеленый салат.

– Какой еще салат? – Клэри заглянула ему через плечо и скривилась: – Фу... Нет, это бывшая моцарелла.

Саймон содрогнулся и захлопнул дверцу холодильника:

– Может, пиццу закажем?

– Уже заказал, – сообщил Люк, входя в кухню с беспроводным телефоном в руке. – Большую вегетарианскую и три кока-колы. И еще я позвонил в больницу, там никаких изменений.

Вздыхнув, Клэри присела на деревянный кухонный стол. Обычно Люк поддерживал в доме идеальную чистоту, но сейчас стол загромождали груды нераспечатанных конвертов и грязной посуды. На спинке стула висел зеленый спортивный костюм. Клэри подумала, что неплохо бы помочь убраться, однако силы у нее просто иссякли. Кухня Люка не отличалась выдающимися размерами и ухоженностью – он вообще был не любитель готовить. Полочка для специй над старенькой газовой плитой использовалась не по назначению – вместо пряностей на ней хранились банки с чаем и кофе. Люк сгреб со стола грязные тарелки и свалил их в раковину.

– Все нормально? – шепотом спросил Саймон, усевшись рядом с Клэри.

– Да, конечно. – Клэри постаралась улыбнуться. – Я не надеялась, что мама сегодня очнется. У меня такое чувство, что она чего-то ждет. Или... кого-то. – Клэри украдкой взглянула на Люка, но он сосредоточенно тер губкой засохшие тарелки и вроде бы ничего не слышал.

Саймон непонимающе посмотрел на нее и пожал плечами:

– Разговор в Институте был не из приятных?

Клэри поежилась:

– У Изабель и Алека очень грозная мама.

– Из головы вылетело, как ее зовут-то?

– Мариза.

– Одно из старых имен, принятых у Сумеречных охотников, – пояснил Люк, вытирая руки.

– И Джейс решил остаться и ждать Инквизитора? Не захотел уйти?

– У него не оставалось выбора, – сказал Люк. – Уйти значило бы покинуть ряды нефелимов, а это для него равноценно отказу от самого себя. Мне приходилось встречать таких же убежденных Охотников, как он, – еще тогда, в Идрисе. Ему подобных милосерднее убить, чем...

В дверь позвонили. Люк отложил полотенце и пошел открывать. Как только он вышел из кухни, Саймон проговорил:

– Не могу свыкнуться с мыслью, что Люк когда-то был Сумеречным охотником. Легче смириться с тем, что он оборотень.

– Почему?

Саймон пожал плечами:

– Про оборотней я слышал и раньше. Подумаешь, раз в месяц перекидываются в волка, с кем не бывает... А Охотники – прямо-таки секта.

– Какая еще секта?! – возмутилась Клэри.

– Самая настоящая. Они не представляют для себя иной жизни. Зовут нас примитивными – тоже мне, высшая раса! У них нет нормальных, обычных друзей, им не смешно то,

над чем смеялись бы мы, они презирают нас. – Саймон вытянул ногу и поправил штанину с модной дырой на колене. – Я, кстати, сегодня завел знакомство среди оборотней.

– Неужто зашел потрепаться со Стремным Питом в «Охотничьей луне»?

В груди возникла странная пустота... Клэри решила, что просто сегодня перенервничала.

– Нет, я встретил там девушку, – сказал Саймон. – Примерно наша ровесница. Зовут Майя.

– Майя? – переспросил Люк, появившийся в дверях с коробкой пиццы наперевес.

Из коробки тянуло восхитительным ароматом горячего теста, томатного соуса и расплавленного сыра. Клэри почувствовала, что умирает с голоду, и ухватила кусок пиццы сразу же, как только коробка оказалась на столе. Люк даже не успел передать ей тарелку и только с улыбкой покачал головой.

– Она из твоей стаи? – поинтересовался Саймон, вытаскивая из коробки обжигающий ломоть.

– Да, – ответил Люк. – Хорошая девчонка. Иногда остается в моей книжной лавке, пока я в больнице, и охотно берет плату книгами.

– У тебя нет денег? – осторожно спросил Саймон.

– Никогда их не ценил. – Люк пожал плечами. – А стая со своими финансами разбирается самостоятельно.

– Мама всегда говорила, что продаст папины акции, если будут кончаться деньги, – сказала Клэри. – Только выяснилось, что мой отец – совсем другой человек... И вряд ли у Валентина были какие-то акции.

– Джослин понемногу распродала свои драгоценности, – сообщил Люк. – От Валентина ей остались некоторые фамильные украшения Моргенштернов. Любая безделица могла принести серьезные деньги, если пустить с молотка.

– Надеюсь, она нашла какое-то утешение, распродав собственность Валентина, – сказал Саймон, потянувшись за третьим куском пиццы.

Клэри в очередной раз поразились тому, сколько парни ее возраста способны слопать, не заработав заворот кишок и даже не растолстев.

– Не странно было повстречать Маризу Лайтвуд после стольких лет? – спросила она Люка.

– Мариза не сильно изменилась. Как ни удивительно, сейчас она больше похожа на себя, чем когда-либо.

Клэри вспомнила стройную девушку со вздернутым подбородком на фотографии, виденной когда-то у Ходжа, и подумала, что Люк, пожалуй, прав.

– Она и правда надеялась, что ты умер? – спросила Клэри.

– Да, – улыбнулся Люк. – Не то чтобы из ненависти... Просто всем было бы спокойнее и удобнее, если бы я умер. По крайней мере, никто не думал, что я выживу, да еще сделаюсь вожаком стаи в центре Манхэттена. Работа Охотников – сохранять хрупкий мир с нежитью. А тут вдруг появляюсь я, с немалой обидой на Конклав и наверняка с целой грудой камней за пазухой. Конечно, они будут ждать от меня какой-нибудь выходки.

– А от вас стоит ждать выходки? – спросил Саймон.

Пицца кончилась, и он, не глядя, стащил лежащую перед Клэри обгрызенную корку.

– Почтенные обыватели вроде меня не устраивают «выходок». Это несолидно.

– Почтенные обыватели не превращаются раз в месяц в волков, – заметила Клэри, – и не охотятся под полной луной.

– Могло быть и хуже, – пожал плечами Люк. – Некоторые с приближением старости начинают швыряться деньгами, приобретать спортивные автомобили и спать с фотомоделями.

– Вам всего тридцать восемь, – напомнил Саймон. – Какая еще старость?

– Спасибо, очень мило с твоей стороны. – Люк с надеждой заглянул в опустевшую коробку и тяжело вздохнул. – Жаль только, что ты слопал пиццу.

– Всего-то пять кусочков съел! – возмутился Саймон.

– А сколько вообще кусочков в пицце, умник? – поинтересовалась Клэри.

– Меньше пяти кусочков – это даже не серьезно. Так, перекус! – серьезно сказал Саймон, раскачиваясь на стуле, и с опаской покосился на Люка. – Теперь вы обратитесь волком и сожрете меня?

– Разумеется, нет. – Люк запихнул коробку в корзину для мусора. – Тебя будет невозможно переварить – сплошные жилы!

– Зато я кошерный, – жизнерадостно сообщил Саймон.

– Если к нам на огонек заглянет какой-нибудь ликантроп-иудей, я непременно тебя откомендую, – заверил Люк и посерьезнел. – Возвращаясь к твоему вопросу, Клэри, могу добавить одно. Повстречать Маризу действительно было очень странно, но дело не в ней, а в окружающей обстановке. Институт напомнил мне Зал Договоров в Идрисе. Я буквально чувствовал в воздухе силу рун Серой Книги, а ведь последние пятнадцать лет я честно пытался изгнать все это из памяти.

– И удалось? – спросила Клэри. – Тебе удалось забыть?

– Есть вещи, которые не забываются. Руны в Книге не просто иллюстрации, они становятся частью тебя, въедаются под кожу. Нельзя перестать быть Охотником – как нельзя изменить свою группу крови.

– Я считаю, что мне тоже пора получить знаки, – сказала Клэри.

Саймон перестал грызть корку и выронил ее на пол:

– Шутишь?!

– Какие тут шутки! Почему бы мне не получить знаки? Я Сумеречный охотник. Мне теперь пригодится любая защита.

– Защита от чего? – Саймон перестал раскачиваться и подался вперед, к Клэри. Ножки стула с шумом опустились на пол. – Я думал, ты уже наигралась в Охотников и теперь вернешься к нормальной жизни!

– Нормальной жизни не бывает, Саймон, – мягко сказал Люк.

Клэри опустила глаза. На руке остался едва заметный белый след там, где Джейс нарисовал ее первый и пока единственный знак. Еле различимая белая виньетка – скорее даже воспоминание, чем шрам.

– Конечно, я хочу вернуться к нормальной жизни, – ответила она Саймону. – Только что я буду делать, если за мной вдруг явится *ненормальная* жизнь? Что, если у меня не будет выбора?

– Что, если ненормальная жизнь тебя вполне устраивает, пока в ней есть Джейс? – негромко произнес Саймон.

Люк кашлянул.

– Обычно нефилим получает знак, лишь пройдя определенное обучение. Поэтому я бы не советовал тебе торопить события. Захочешь ты учиться или нет – решай сама. Но тебе определенно понадобится то, что должно быть у каждого Охотника.

– Высокомерие и чувство превосходства? – съязвил Саймон.

– Стило, – сказал Люк. – У каждого Охотника есть стило.

– И что, у тебя оно тоже есть? – удивленно спросила Клэри.

Ничего не ответив, Люк вышел из кухни и вернулся с небольшим свертком. Под темной тканью обнаружился поблескивающий жезл, выточенный из матового хрусталя.

– Красиво... – выдохнула Клэри.

– Рад, что тебе нравится, – сказал Люк. – Забирай.

– Но это же твое стило...

Люк покачал головой:

– Оно принадлежало твоей матери. Она отдала его мне на хранение, чтобы ты случайно его нашла.

Клэри взяла стило и взвесила на ладони. Сейчас оно было прохладным на ощупь, но Клэри знала, что этот жезл может раскалиться добела. Станный предмет – слишком короткий, чтобы служить оружием, слишком длинный, чтобы им было удобно чертить.

– Конечно, модель старовата, уже лет двадцать как вышла из обращения, – пожал плечами Люк. – Наверняка не будет блистать изяществом рядом с современными изделиями. Но вещь вполне надежная.

Саймон мрачно наблюдал, как Клэри выписывает жезлом в воздухе замысловатые фигуры, и наконец произнес:

– Отчего-то вспомнилось, как дедушка торжественно презентовал мне свои старые клюшки для гольфа.

Клэри рассмеялась:

– Да, только ты ими ни разу не воспользовался.

– Я очень надеюсь, что вот *этим* ты пользоваться тоже не будешь, – сказал Саймон и быстро отвел глаза, прежде чем Клэри успела ему ответить.

Дым курился над знаками черной спиралью, в воздухе стоял удушливый запах паленой кожи. Собственной кожи. В руке отца поблескивало стило с алым огоньком на конце – как вытащенный из костра тлеющий прут.

– Закрой глаза, Джонатан. Боль будет ровно такой, какой ты позволишь ей быть.

Но вопреки своей воле Джейс отпрянул, словно рука сама пыталась убраться подальше. С треском в предплечье сломалась кость, затем вторая...

Джейс открыл глаза и, моргая, уставился в темноту. Голос отца растаял, как дым на ветру. Во рту чувствовался металлический вкус крови – от прикушенной губы.

Треск раздался вновь, и Джейс невольно покосился на руку – разумеется, кости были целы. Окончательно проснувшись, он сообразил, что треск – не что иное, как стук в дверь. Он посмотрел на свою мятую рубашку и скривился, осознав, что уснул прямо в одежде и наверняка до сих пор воняет псиной.

Стук повторился. Зябко ежась, Джейс прошел босиком по холодному полу и открыл дверь. На пороге, сунув руки в карманы, стоял Алек.

– Извини, что бужу среди ночи, – смущенно пробормотал он. – Мама просила привести тебя в библиотеку.

– Который час?

– Пять утра.

– А ты сам-то что не спишь?

– Я не ложился, – сказал Алек, и, судя по темным кругам под глазами, это так и было.

Джейс пригладил взъерошенные волосы:

– Ладно, только рубашку сменю.

Он порылся в шкафу и вытащил аккуратно сложенную синюю футболку с длинными рукавами. Грязную рубашку пришлось снимать очень осторожно – в некоторых местах она присохла к ободранной коже.

– Что с тобой случилось? – спросил Алек, отводя взгляд.

– Вышла размолвка со стаей оборотней, – сказал Джейс, натянул футболку и вышел из комнаты.

Следуя по коридору за Алеком, он заметил у брата над воротником какое-то пятно:

– У тебя что-то на шее...

Ладонь Алека метнулась к горлу.

– Что?

– Как будто след от укуса. Почему, говоришь, ты не ложился?

– Просто так. – Алек ускорил шаг. – Вышел в парк прогуляться. Голову остудить...

– И нарвался на вампира?

– Что?! Нет конечно! Я упал.

– Упал на шею? – недоверчиво спросил Джейс и прикусил язык. По лицу Алека было ясно, что эту тему лучше замять. – А чего тебе вдруг понадобилось остудить голову?

– Мама объяснила, почему так на тебя разозлилась. Рассказала про Ходжа. Кстати, ты от меня все скрыл...

– Извини. – Теперь пришла очередь Джейса краснеть. – Язык не поворачивался рассказать.

– Очень плохо, – укоризненно произнес Алек. – Очень плохо, что ты не говорил нам всей правды. Особенно о Валентине.

Джейс резко остановился:

– Ты считаешь, что я вам врал? Думаешь, я с самого начала знал, что Валентин мой отец?

– Нет конечно! – воскликнул Алек в изумлении то ли от вопроса, то ли от того, каким тоном он был задан. – Да плевать мне, кто твой отец. Все равно ты – это ты.

– Я – это я. Вопрос в том: *кто я?* – холодно отчеканил Джейс, сам того не желая.

– Просто в последнее время ты стал очень несдержан, – примирительным тоном сказал Алек. – В любой момент готов вспылить. Сначала думай, а потом говори – вот и все. Мы тебе не враги, Джейс.

– Спасибо за совет. Кстати, до библиотеки я вполне способен дойти самостоятельно. – Джейс быстро зашагал по коридору, оставив Алека в недоумении смотреть вслед.

Джейс терпеть не мог, когда за него волнуются. От этого немедленно появлялись мысли, что и правда есть причина волноваться.

Дверь в библиотеку была приоткрыта, и, не утруждая себя стуком, Джейс вошел. Он всегда любил библиотеку больше прочих уголков Института.

В окружении старого дерева и меди его ожидали старые друзья: любимые книги в кожаных и бархатных переплетах. Осенью и зимой в огромном камине горел жаркий огонь. Но сейчас в лицо Джейсу ударил холодный воздух. За каминной решеткой виднелась лишь куча пепла, скудный свет лился из узких окон под самым сводом крыши.

Сам того не желая, Джейс подумал о Ходже – будь здесь учитель, огонь в камине никогда бы не угас и газ в лампах ярко горел бы, проливая золотистый свет на паркетный пол. Ходж сидел бы в кресле у огня с ручным вороном на плече и с книгой на коленях...

Однако в кресле Ходжа и в самом деле кто-то сидел. Навстречу Джейсу, словно змея из кувшина, быстро поднялась тощая серая фигура – женщина в длинном старомодном плаще почти до пола. Из-под плаща виднелся приталенный грифельно-серый костюм с воротником-стойкой, врезавшимся в шею. Бесцветные волосы были туго стянуты назад и закреплены гребнями. Холодно улыбаясь, женщина смерила Джейса серыми пронзительными глазами. Он почти физически ощущал прикосновение ее взгляда, как поток ледяной воды, пока незнакомка изучала его заляпанные грязью джинсы, синяки и ссадины. Наконец она уставилась на него в упор, и в глубине холодных бусинок на мгновение что-то вспыхнуло, как отблеск пламени в толще льда.

– Ты и есть тот самый мальчик?

Ответить Джейс не успел, потому что за его спиной раздался голос Маризы:

– Да, Инквизитор, это Джонатан Моргенштерн.

Джейс сперва удивился, что не услышал, как она вошла вслед за ним, потом заметил, что вместо туфель на каблуках Мариза надела мягкие тапочки, а вместо костюма – домашний халат из расписного шелка. Губы у нее были поджаты.

Инквизитор подплыла к Джейсу, будто волна серого дыма, и протянула к его лицу тощую длиннопалую руку, похожую на белого паука.

– Смотри сюда, мальчик, – сказала она, с неожиданной силой вцепившись в его подбородок и развернув его лицо к себе. – Будешь называть меня Инквизитором, и никак иначе. Ты понял?

От ее глаз во все стороны разбегались тонкие лучики морщин, две глубокие складки шли от углов рта к подбородку. Инквизитор до сих пор представлялась Джейсу почти мистическим существом. То есть он знал, что она существует, но все ее действия Конклав держал в строжайшем секрете. Инквизитор представлялась кем-то вроде Безмолвных братьев – отстраненной фигурой, хранящей скрытую силу и скрытые тайны. Джейс никак не ожидал увидеть кого-то столь напористого и враждебного. От взгляда этой женщины не спасала привычная броня – самоуверенность и насмешливая ухмылка.

– Между прочим, у меня имя есть, – сказал он. – Меня зовут Джейс Вэйланд.

– У тебя нет никаких прав на это имя, – заявила Инквизитор. – Твоя фамилия – Моргенштерн. А назваться Вэйландом ты пытаешься, потому что ты лжец. Такой же, как Валентин.

– А я-то тешил себя мыслью, что лжец я совершенно уникальный, – огрызнулся Джейс.

– Все ясно. – Бледные губы Инквизитора скривились в недоброй улыбке. – Непокорный, как и отец. Как и ангел Люцифер, чье имя носит весь ваш род. – Пальцы Инквизитора неожиданно больно сжали его подбородок, так что ногти впились под кожу. От ее дыхания несло чем-то кислым. – За непокорность этот ангел был низвергнут с небес в бездну ада. Посмеешь не подчиниться моей воле, и я заставлю тебя ему позавидовать.

Она выпустила Джейса и отступила. По расцарапанному подбородку юноши бежала тонкая горячая струйка, но Джейс не стал вытирать кровь. Руки дрожали от ярости.

– Имоджен, – начала Мариза и немедленно поправилась: – Инквизитор Эрондейл. Джонатан согласился пройти испытание Мечом. Вы можете выяснить, говорит ли он правду.

– Об отце? – переспросила Инквизитор, обернувшись к Маризе. Высокий воротничок врезался ей в шею. – Разумеется. Разумеется, могу. Кстати, Конклав недоволен тобой, Мариза. Вы с Робертом – хранители Института. На ваше счастье, в последние годы обстановка оставалась более или менее спокойной. Практически не было столкновений с демонами – я хочу сказать, до недавних событий... И сейчас все сравнительно тихо. Никаких донесений, даже из Идриса. Поэтому Конклав к вам пока снисходителен. Однако с самого начала нас заботил один вопрос: а было ли ваше отречение от идей Моргенштерна искренним? И вот вы так глупо попались в расставленную ловушку. Неужели ничего не заподозрили?

– Не было никакой ловушки, – вмешался Джейс. – Отец знал, что Лайтвуды позаботятся обо мне, если будут думать, что я сын Майкла Вэйланда. Вот и все.

Инквизитор воззрилась на него как на говорящего таракана:

– Тебе известно что-нибудь о кукушках, Джонатан Моргенштерн?

В недоумении Джейс подумал о том, что у Инквизитора явно очень нервная работа, и это сказывается на трезвости ума.

– О ком?

– О кукушках, паразитах среди птиц. Они кладут яйца в чужие гнезда. Когда кукушонок вылупляется, он выталкивает других птенцов из гнезда. Несчастные родители выбиваются из сил, пытаясь накормить огромного прожорливого птенца, который занял место их собственных детей.

– Огромного? – возмущенно переспросил Джейс. – Прожорливого?! Вы меня обжорой обозвали?

– Я пытаюсь объяснить тебе на примере.

– Я не обжора!

– Я не нуждаюсь в снисхождении, Имоджен, – сказала Мариза, расправив плеч. – Вряд ли Конклав решит наказать нас с мужем за то, что мы приняли в дом сына погибшего друга. Мы ничего не скрывали.

– И я не сделал ничего дурного никому из Лайтвудов! – продолжал Джейс. – Я не бездельничал! Я работал, тренировался... Можете говорить что угодно о моем отце, но он вырастил из меня Охотника.

– Не пытайся защищать Валентина, – отчеканила Инквизитор. – Я отлично его знала. Он был и остается самым гнусным из людей!

– Гнусным?! Ну и словечко вы подобрали!

Инквизитор сощурила глаза и смерила Джейса изучающим взглядом:

– Ты очень заносчив, очень непокорен. Отец научил тебя такому поведению?

– Он этого не терпел, – коротко ответил Джейс.

– Значит, ты сам стремишься быть на него похожим... Валентин – самый заносчивый и наглый тип. Видимо, воспитывал тебя по своему образу и подобию.

– Конечно, – не удержался Джейс. – Из меня с младенчества готовили злого гения. Учили отрывать крылья бабочкам и отравлять источники. Это было в программе первого класса. Какое счастье, что отец решил прикинуться мертвым до того, как я добрался до параграфов про убийства и мародерство! Страшно ведь подумать, что могло произойти!

– Джейс! – в ужасе выдохнула Мариза.

– Так же вспыльчив, как и отец, – невозмутимо констатировала Инквизитор. – Лайтвуды обходились с тобой слишком мягко, и все худшее в тебе расцвело пышным цветом. На первый взгляд ты кажешься ангелом, Джонатан Моргенштерн, но я-то знаю твою истинную сущность.

– Он всего лишь подросток, – к удивлению Джейса, сказала Мариза. Она что же, его защищает?

– Валентин когда-то тоже был всего лишь подростком, – отрезала Инквизитор. – Ладно, мы непременно покопаемся в этой золотой голове и вытащим правду на свет божий... Но прежде эту голову неплохо бы остудить. И мне известен отличный способ привести дерзкого юнца в чувство.

– Отправите в комнату под замок? – спросил Джейс.

– Отправлю в тюрьму в Город молчания. Посидишь там ночь и сразу станешь смирным.

– Имоджен! – воскликнула Мариза. – Так нельзя!

– Можно, – ответила Инквизитор, не отрывая от Джейса острого, как бритва, взгляда. – Желаете что-нибудь сказать, Джонатан?

Джейс смотрел на нее, не веря своим ушам. В Городе молчания было много ярусов; сам он видел лишь верхние два – где хранились архивы и где находился Зал Совета. Тюремные камеры располагались в самой глубине, даже ниже кладбищенских ярусов, где покоился прах тысяч Сумеречных охотников. В это подземелье попадали лишь худшие из преступников – вампиры и маги, нарушившие Завет, Охотники, пролившие кровь товарищей... Как эта женщина может отправить его туда? За что?

Инквизитор широко улыбнулась, немедленно став похожей на ощерившийся череп.

– Похвально, Джонатан. Я вижу, ты уже начинаешь воспринимать лучший урок, который может преподать тебе Город молчания, – как держать язык за зубами.

Когда в дверь снова позвонили, Клэри и Люк убрали на кухне. Клэри выпрямилась и испуганно посмотрела на Люка:

– Ты кого-нибудь ждешь?

Люк нахмурился и вытер руки полотенцем:

– Нет. Оставайтесь здесь.

Он вышел из кухни, предварительно взяв с полки что-то маленькое и блестящее. Саймон присвистнул:

– Видела нож? Похоже, Люк ждет неприятностей.

– В последнее время он всегда ждет неприятностей, – отозвалась Клэри и осторожно заглянула в щелку.

Люк стоял у открытой входной двери и с кем-то говорил. Слов было не различить, однако Клэри сразу поняла, что ничего из ряда вон выходящего не происходит.

– Иди сюда! – прошипел Саймон, оттаскивая ее от двери. – С ума сошла? А если там какой-нибудь демон?

– Тогда Люку потребуется помощь. – Клэри улыбнулась. – Надо же, ты меня защищаешь. Как мило.

– Клэри! – позвал Люк. – Иди познакомься.

Она осторожно высвободилась из рук Саймона:

– Сейчас вернусь.

Люк прислонился к косяку, скрестив руки на груди; нож мистическим образом исчез. На ступенях крыльца стояла незнакомая девушка в вельветовом пиджаке бежевого цвета. Ее темные вьющиеся волосы были заплетены в множество тонких косичек.

– Это та самая Майя, – сказал Люк.

В свете уличного фонаря глаза девушки имели странный янтарно-зеленый оттенок.

– А ты, значит, Клэри, – сказала она. – Сестра белобрысого, который устроил погром в «Охотничьей луне»?

– Его зовут Джейс, – ответила Клэри.

Девушка ей не понравилась. Зачем совать нос не в свое дело?

– Майя? – Саймон вышел на крыльцо, засунув руки в карманы джинсовой куртки.

Девушка сразу заулыбалась:

– Ты Саймон, да? У меня паршивая память на имена, но твое я запомнила.

– Круто, – сказала Клэри. – Вот мы и друзья.

Люк кашлянул и выпрямился:

– Я решил вас познакомить, потому что в ближайшее время Майя будет работать у меня в магазине. Не пугайся, если она вдруг зайдет, – я дал ей ключ.

– Ну и присмотрю заодно, чтобы сюда не нагрянула какая-нибудь пакость, – добавила Майя. – Типа, демоны или кровососы...

– Спасибо, – сказала Клэри. – Теперь я буду спать спокойно.

– Это что, сарказм? – осведомилась Майя.

– Мы все сейчас немного на взводе, – вмешался Саймон. – Не будем цепляться к словам. Я лично очень рад, что есть кому приглядеть за моей девушкой.

Люк вскинул брови, но промолчал.

– Извини, – сказала Клэри. – Саймон прав. Я не хотела грубить.

– Ничего. – В глазах Майи светилось сочувствие. – Я знаю, что произошло с твоей мамой. Это ужасно.

– Да, – кивнула Клэри и ушла в дом.

Она вернулась в кухню, села на стол и закрыла лицо руками.

– Прости, мне стоило догадаться, что ты сейчас не захочешь никого видеть, – сказал Люк, подойдя к ней.

– Где Саймон? – спросила Клэри, не отнимая рук от лица.

– Остался поболтать с Майей.

Действительно, от входной двери доносились негромкие голоса.

– Я просто подумал, что сейчас тебе необходимы друзья, – продолжал Люк.

– У меня уже есть Саймон.

Люк поправил очки и с нарочитым спокойствием спросил:

– Кстати, уши меня не подводят? Он назвал тебя своей девушкой?

– Похоже, что так.

– И давно? В смысле, я об этом не знал или просто забыл?

– Сама впервые слышу, – отозвалась Клэри, опуская руки. Почему-то в памяти всплыл знак открытого глаза – руны, украшавшей тыльную сторону ладони каждого Охотника. – Чья-то девушка, чья-то дочь, чья-то сестра... Вот так живешь и не знаешь... Понять бы, кто я на самом деле.

– Ну, это вечный вопрос, – ответил Люк.

Хлопнула входная дверь, и в кухню вошел Саймон, принес с собой свежесть ночной прохлады.

– Ничего, если я сегодня переночую у вас? Возвращаться домой поздновато.

– Всегда пожалуйста, – сказал Люк и посмотрел на часы. – Пойду спать. К шести мне надо в больницу.

– Зачем к шести? – спросил Саймон, когда Люк скрылся за дверью.

– В шесть начинают пускать посетителей, – ответила Клэри. – Тебе совершенно необязательно спать на диване.

– Говорю же, завтра я побуду с тобой, – сказал Саймон, сердито смахивая со лба непослушные темные пряди. – Чтобы тебе не было грустно.

– Я знаю. И тебе совершенно необязательно спать *на диване*, – повторила Клэри.

– А где мне тогда... – Саймон поперхнулся вопросом, когда до него дошел смысл ее слов.

– В гостевой комнате раскладная кровать. Можно легко уместиться вдвоем.

Саймон вытащил руки из карманов и залился краской. Джейс на его месте, наверное, напустил бы на себя небрежный вид; Саймон не стал даже пытаться.

– Ты... уверена?

– Уверена.

Он подошел к ней, наклонился и осторожно поцеловал. Поцелуй вышел неуклюжим.

– Пойдем, – с улыбкой сказала Клэри. – Мне надоели кухни.

И, крепко взяв Саймона за обе руки, потянула его за собой – по коридору к гостевой спальне, которую ей отдал Люк.

5. Грехи отцов

В подземелье Города молчания царил глубокая тьма. Впервые в жизни Джейс оказался в беспросветном мраке. Он не мог различить ни пола, ни потолка, даже контуров собственной руки, поднесенной к глазам. Краткая возможность оглядеться представилась лишь в первый миг – когда конвоир открыл решетку и втолкнул его внутрь. И вот Джейс сидел в тюремной камере, как пойманный преступник.

Впрочем, стоит ли удивляться? Конклав, похоже, и правда считает его преступником.

В свете факела Джейс успел увидеть мощный пол, стены из тесаного камня и частые прутья крепкой решетки из электрума. Еще он знал, что в решетке есть дверь, а к восточной стене камеры прибит железный прут – на этом познания об окружающей обстановке заканчивались.

Конвоир пристегнул его правую руку к пруту, и Джейс был волен прогуливаться вдоль стены, громя цепью, как Кентервильское привидение, – пару шагов туда, пару шагов обратно. Он уже успел до крови стереть кожу на запястье. Хорошо, что он левша, – все же спокойнее, когда ведущая рука свободна.

Джейс бродил вдоль стены, ощупывая ее пальцами. Не зная, сколько прошло времени, было очень неприятно. В Идрисе отец учил его определять время по солнцу, по длине тени, по расположению звезд на ночном небе. Но в камере не увидишь ни звезд, ни солнца. Придется ли ему еще хоть раз взглянуть на небо?

Джейс остановился. Что за глупые мысли?! Конечно, он увидит небо. Конклав не собирается его казнить! Смертный приговор выносят лишь убийцам. И все же страх остался – каким-то незнакомым трепетом в груди. Вообще-то Джейс не был склонен к внезапным приступам паники. Алек даже говорил, что ему пошло бы на пользу чуть-чуть разумного малодушия, – и все же о страхе Джейс знал только понаслышке.

Мариза сегодня сказала, что он никогда не боялся темноты. Так оно и было.

Поэтому незнакомый трепет в груди явился чем-то совершенно неожиданным, противоземным. Значит, это не просто тьма. Джейс прерывисто вздохнул. Надо переждать эту ночь. Всего одну ночь. Он снова поплелся вдоль стены, уныло звякая цепью. И застыл, когда воздух прорезал чудовищный звук – пронзительный крик, вопль безумного ужаса. Кто-то вынул всю мощь легких, протяжно и долго, словно взял на скрипке самую высокую ноту – и вдруг отнял смычок от струн.

Джейс выругался. Резко оборвавшийся вопль звенел в ушах, а ужас стал столь явным, что превратился в металлический привкус во рту. Джейс понятия не имел, что у страха есть вкус. Он прижался спиной к холодному камню и попытался успокоиться. Вопль повторился вновь, теперь громче и ближе, и ему начали вторить другие голоса. Над головой что-то грохнуло. Джейс инстинктивно пригнулся и только потом сообразил, что над его камерой несколько этажей. После очередного удара перед глазами возникла жуткая картина: сотни давно умерших нефилимов восстают из гробов, разбивают каменные усыпальницы и шагают по белым полам Города молчания, гремя костями на иссохших сухожилиях...

Хватит! Усилием воли Джейс отогнал видение. Мертвые не встают из гробов. Кроме того, здесь покоятся нефилы, такие же, как он, – его павшие братья и сестры! С какой стати ему бояться?! Джейс сжал кулаки, так что ногти впились в ладони. Охотнику не подобает испытывать страх. С этим постыдным чувством должно справляться, подавлять его в зародыше. Джейс вдохнул полной грудью, стараясь взять себя в руки, но тут снова раздался оглушительный вопль, что-то грохнуло совсем рядом, и во тьме вдруг расцвел ослепительный огонь.

Перед решеткой с факелом в руке возник брат Иеремия. Его шатало. Капюшон цвета пергамента упал на плечи, обнажая лицо, искаженное гримасой ужаса. Крупные стежки, прежде

сшивавшие губы Брата, разорвались и свисали кровавыми клочьями, рот был разинут в немом крике. Кровь, заливающая светлые одежды, в свете факелов казалась черной. Брат Иеремия замер на миг перед изумленным Джейсом и рухнул на каменный пол. Факел выпал из безжизненной руки архивариуса и покатился к неглубокой канавке, выбитой в полу у самой решетки.

Джейс тут же упал на колени и попытался дотянуться до факела. Не хватало совсем чуть-чуть. В тусклом свете угасавшего пламени Джейс видел обращенное к нему лицо брата Иеремии. С угла его раскрытого рта капала кровь, черные зубы скалились в смертной гримасе. Джейс почувствовал, как грудь сковывает невероятная тяжесть. Безмолвные братья никогда не размыкали губ. Такие нечеловеческие вопли могли быть исторгнуты лишь из груди тех, кто полстолетия не произносил ни единого звука. Что могло повергнуть Безмолвных братьев в такой глубокий ужас, в ужас сильнее древней руны Безмолвия? И где остальные Братья?

Джейс хотел позвать на помощь, однако не смог выдавить из себя ни звука. Грудь будто сжимало в стальных тисках так, что невозможно было вдохнуть. Он всем телом рванулся к факелу. В запястье хрустнула кость, руку пронзила боль, но удалось продвинуться еще на дюйм и наконец дотянуться до древка. Джейс вскочил на ноги, сжимая разгорающийся факел, и в этот момент услышал еще один звук, от которого волосы встали дыбом. Глухой отвратительный звук, как будто что-то тяжелое волочат по полу. Дрожащей рукой Джейс выставил факел перед собой, разгоняя его пляшущим светом густую тьму...

Во тьме ничего не было.

Это открытие не принесло ему никакого облегчения – напротив, ужас лишь усилился. Джейс хватал ртом воздух, как выброшенная из воды рыба. Чувство страха было для него совершенно незнакомым, и от этого становилось еще хуже. Что произошло? Он внезапно стал трусом?

Джейс изо всех сил дернул скованной рукой в надежде, что боль поможет прийти в себя. Бесплезно. Вновь донесся глухой скользящий звук, теперь его сопровождал едва различимый шепот. Никогда в жизни Джейс не слышал ничего более ужасного. Почти обезумев, он вжался в стену, размахивая перед собой пылающим факелом.

На мгновение он смог увидеть подземелье во всех деталях, как при дневном свете, – камеру, решетку, мертвое тело брата Иеремии на каменных плитах, а прямо за ним – дверь. Дверь медленно открывалась, и в подземелье вползало нечто огромное, темное и бесформенное, с ледяными сверкающими глазами. Глаза взирали прямо на Джейса в каком-то злорадном веселье. А потом бесформенная тварь метнулась вперед. Перед лицом юноши возникла волна темного дыма. Пламя факела заискрилось голубым и зеленым, угасая, – и в следующую секунду все поглотила тьма.

Целоваться с Саймоном было приятно. Все равно что лежать в гамаке летним днем с бокалом лимонада и любимой книжкой – удовольствие из тех, которые никогда не надоедают. Клэри могла бы провести так целую вечность, никуда не спеша, ни о чем не печалась, кроме, пожалуй, того, что какая-то дурацкая железка впивается между лопаток.

– Ай! – пискнула Клэри, безуспешно пытаясь отодвинуться.

– Тебе больно? – тут же спросил Саймон, отстраняясь. – Прости.

Вид у него был встревоженный.

– Ты ни при чем, это все кровать, – заверила Клэри. – Настоящее оружие пыток.

– Я не заметил. – Саймон подобрал с пола упавшую подушку и подложил Клэри под спину.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась она. – Где мы остановились?

– Ну, примерно в том же положении, только гораздо ближе...

– Очень романтично, – сказала Клэри, притягивая его к себе.

Через тонкую футболку она чувствовала, как бьется его сердце. Саймон нежно целовал ее, опираясь на локти, чтобы не придавить своим весом. У него оказались длинные пушистые

ресницы, чего Клэри раньше не замечала за очками. Теперь они касались ее щек, и Клэри было щекотно. Она рассмеялась немного нервно и прошептала:

– Все так странно, правда?

– Нет. Когда то, о чем очень давно мечтал, происходит на самом деле, чувствуешь...

– Разочарование, – подсказала Клэри.

– Нет! – Саймон отпрянул от нее и посмотрел с укором. – Никогда так не говори. Вовсе не разочарование! Это... Это...

Он замешкался, подбирая слова, а Клэри просто распирало от сдерживаемого смеха.

– Неопишимо?

Саймон прикрыл глаза и невесело улыбнулся:

– Теперь мне надо бы сказать что-нибудь остроумное в ответ, но думать я могу только о том...

– ...что хочешь секса, – подколола Клэри.

– Хватит издеваться! – возмутился Саймон, поймав ее руки и прижав обе кисти к кроватки. – Я думаю только о том, что люблю тебя.

Темные глаза смотрели на Клэри очень серьезно, но она не могла отказать себе в удовольствии подразнить его:

– Значит, секса ты не хочешь?

– Этого я не говорил, – ответил Саймон.

Клэри опять рассмеялась и толкнула его в грудь:

– Пусти меня.

– Ты обиделась? – испугался Саймон. – Я ведь не сказал, что хочу только секса...

– Да нет же! Я просто хочу переодеться. Не могу целоваться всерьез, валяясь на постели в носках.

Не обращая внимания на его скорбный вид, она вытащила из комода пижаму и направилась в ванную, скорчив рожицу на прощание:

– Я на минутку.

Если Саймон что-то и ответил, за дверью она этого уже не услышала. Клэри почистила зубы и, вместо того чтобы выключить воду и выйти из ванной, уставилась в зеркало. Волосы растрепаны, щеки покраснелись... Интересно, это и называется светиться? О влюбленных ведь всегда говорят, что они светятся. Или это о женщине, ждущей ребенка?.. Сразу не вспомнишь. Но в ней определенно должно было что-то перемениться, ведь она впервые целовалась с кем-то так долго. И надо сказать, ей понравилось – так приятно, так спокойно, так уютно...

Конечно, это не первый в ее жизни поцелуй. Она уже целовалась с Джейсом в свой день рождения: в ее теле тогда как будто открылась новая жила с чем-то сладким, горячим... Глаза Клэри потемнели. Не думать о Джейсе!.. Увы, тело помнило о нем, даже если рассудок приказывал забыть.

Клэри плеснула на лицо ледяной воды, потянулась за пижамой и обнаружила, что взяла только штаны, без верха. Нет, появляться из ванной топлес, пожалуй, рановато, хотя Саймон такой жест наверняка оценит.

Она вышла в спальню и обнаружила, что Саймон уснул посреди кровати, прижимая к груди подушку. Клэри еле удержалась, чтобы не засмеяться.

– Саймон... – прошептала она.

И тут на тумбочке запищал телефон. Клэри схватила его, раскрыла и увидела сообщение от Изабель. Она прочла его дважды, чтобы удостовериться, что глаза ее не обманывают, а потом метнулась к шкафу за курткой.

Из тьмы раздался голос – спокойный, мрачный, до боли знакомый:

– Джонатан.

Джейс открыл глаза, содрогнулся от холода и понял, что лежит на ледяном каменном полу – видимо, потерял сознание. Проклиная себя за проявление слабости, он перекатился набок; запястье немедленно пронзила пульсирующая боль.

– Кто здесь?

– Не узнаешь своего отца, Джонатан? – пророкотал голос.

Джейс не спутал бы этот голос ни с чем. Он попытался подняться, однако поскользнулся в какой-то луже и снова упал, ударившись плечом о каменную стену. Цепь загремела.

– Ты ранен?

Кромешную тьму прорезал ослепительный свет. Джейс зажмурился и сморгнул слезы. Валентин стоял за решеткой над телом брата Иеремии. Ведьмин огонь в его руке заливал под-земелье ярким белым светом. Джейс увидел пятна давно засохшей крови на стенах и целую лужу свежей крови на полу – рядом с телом Безмолвного брата. Чувствуя прилив дурноты, Джейс подумал о бесформенном черном создании с горящими глазами.

– Что это за тварь? – прохрипел он. – Где она?

– Ты ранен. – Валентин подошел ближе к решетке. – Кто приказал бросить тебя сюда? Конклав? Лайтвуды?

– Инквизитор, – ответил Джейс.

И штаны, и рубашка у него были залиты кровью – он не знал, своей или чужой. Кровь понемногу сочилась из-под наручника. Валентин рассматривал его сквозь прутья. Впервые за многие годы Джейс увидел отца при полном боевом облачении Сумеречного охотника – в штанах и куртке из грубой кожи, не стесняющих движений и защищающих от яда большинства демонов. Наручи и поножи были испещрены рунами, над плечом тускло поблескивала рукоять меча в наспинных ножнах. Валентин присел на корточки, и, встретив взгляд его холодных черных глаз, Джейс с удивлением понял, что отец вовсе не рассержен.

– Инквизитор и Конклав – одно целое. Лайтвуды не должны были этого допустить. Больше я никому не позволю так поступать с тобой.

Джейс отодвинулся от решетки насколько пускала цепь.

– Пришел, чтобы убить меня? – спросил он.

– Убить? Зачем мне убивать тебя?

– А зачем ты убил брата Иеремию? Только не надо сказок про то, что он сам ненароком споткнулся, а ты мимо проходил!

Валентин в первый раз взглянул на тело брата Иеремии и спокойно сказал:

– Да, я убил его. И остальных Безмолвных братьев тоже. У них было то, что мне необходимо.

– И что же? Честь или совесть?

Вместо ответа Валентин уверенным движением вынул из ножен меч:

– Мэллертах.

Джейс подавил удивленный возглас. Именно этот огромный тяжелый меч с гардой в виде распахнутых крыльев висел над Говорящими Звездами в зале совета Безмолвных братьев.

– Ты украл меч Безмолвных братьев?!

– Он никогда им не принадлежал. Это меч нефилимов. Тот самый меч, который был в руке ангела, изгнавшего Адама и Еву из рая. – Валентин взглянул на клинок и торжественно процитировал Книгу Бытия: – «И поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Джейс облизнул пересохшие губы:

– И что ты намерен с ним делать?

– Я расскажу, когда смогу тебе доверять, – ответил Валентин. – И когда ты будешь доверять мне.

– Доверять тебе? Как? Ты сбежал от меня в приюте Ренвика и разрушил за собой портал! Ты пытался убить Клэри!

– Я бы не сделал твоей сестре ничего дурного, – отрезал Валентин, сверкнув глазами. – По крайней мере, не более, чем тебе.

– Я не видел от тебя ничего хорошего! – крикнул Джейс. – Меня спасли Лайтвуды!

– Лайтвуды заперли тебя здесь. Разве я угрожаю тебе? Разве я отказываюсь тебе верить? Это все Лайтвуды и их дорогие друзья в Конклаве. – Валентин помолчал и добавил: – Но ты стоически переносишь все, чему они тебя подвергли. Я горжусь тобой.

От изумления Джейс так резко поднял голову, что перед глазами заплясали мушки. Рука ныла все сильнее. Он постарался вытеснить боль из сознания и дышать ровно.

– Что ты сказал?

– Теперь я понимаю, какую ошибку совершил в приюте Ренвика, – продолжал Валентин. – Я все еще считал тебя маленьким мальчиком, послушным моей воле. Именно таким я оставил тебя в Идрисе. За эти годы ты успел превратиться в упрямого и бесстрашного молодого человека, а я по старой памяти пытался обращаться с тобой как с ребенком. Неудивительно, что ты взбунтовался.

– Взбунтовался?! – переспросил Джейс.

Слова, которые он хотел произнести, застряли у него в горле, а сердце забилось в унисон с пульсирующей болью в запястье.

– Мне не представился случай объясниться...

– Не трудись. Ты держал в плену мою мать. Убил ее родителей. Истреблял Охотников ради достижения собственных целей, – произнес Джейс. Каждое слово сочилось горечью, как ядом.

– Тебе известна лишь часть правды, Джонатан. Пока ты был слишком мал, мне приходилось тебя обманывать. Но теперь я могу все рассказать.

– Так давай рассказывай.

Валентин потянулся через решетку и взял Джейса за руку. Пальцы у него остались такими же жесткими и шершавыми, как и тогда, в детстве.

– Я хочу доверять тебе, Джонатан... Тебе можно верить?

Джейс не мог вымолвить ни слова. Грудь как будто сдавливал железный обруч, и дышать становилось все труднее.

– Хорошо бы... – наконец прошептал он.

Наверху послышался какой-то шум – грохот железной двери, шаги и снова тихие голоса, эхом отдающиеся под каменными сводами. Валентин вскочил на ноги и прикрыл ведьмин огонь рукой.

– Раньше, чем я думал, – с досадой пробормотал он.

Джейс теперь видел лишь силуэт отца, освещаемый тусклым огоньком. Подземелье снова погрузилось во тьму. Перед глазами возникло воспоминание о жуткой твари, похожей на клубы черного дыма.

– Что раньше? – спросил Джейс, подползая к решетке на коленях. – Кто там?

– Мне пора, – сказал Валентин. – Имей в виду, наш разговор не окончен.

Джейс схватился свободной рукой за решетку:

– Сними наручники! Освободи меня! Не желаю умирать без боя.

– Поверь, оставить тебя на цепи сейчас будет гораздо милосерднее. – Валентин окончательно погасил ведьмин огонь.

Джейс бросился на решетку, игнорируя боль в сломанном запястье:

– Отец!

– Когда я тебе понадобится, ты меня найдешь, – сказал Валентин.

Еще цепляясь за решетку, Джейс медленно осел на пол. В беспросветной тьме были слышны лишь удаляющиеся шаги да его собственное прерывистое дыхание.

Всю дорогу в метро Клэри мерила шагами полупустой вагон, ни разу не присев; висящие на шее наушники плеера подпрыгивали в такт. Изабель не брала трубку, и Клэри теперь изнывала от необъяснимой тревоги.

Перед глазами стояло лицо Джейса – избитое, залитое кровью, зубы стиснуты в яростном оскале. В «Охотничьей луне» он и сам больше походил на оборотня, чем на Сумеречного охотника, призванного защищать правопорядок и держать нежить в узде.

От станции метро на Девяносто шестой улице она бежала и перешла на шаг, лишь когда впереди замаячила огромная серая тень Института. Ночной воздух охлаждал взмокшую шею. Девушка прошла по каменной дорожке ко входу в собор и уже хотела позвонить в висящий под архитравом колокол, но передумала.

В конце концов, она тоже нефилим и имеет полное право находиться в Институте – так же, как и Лайтвуды. Клэри решительно схватила за дверную ручку и повторила слова Джейса: – Именем Ангела я...

Закончить она не успела, потому что дверь распахнулась, открывая путь во тьму, озаренную огоньками свечей. Огоньки дрожали и плясали, как будто смеялись над Клэри. Она пробежала между рядами скамеек, открыла резную дверь лифта и нажала на кнопку дрожащим пальцем. Клэри и сама не знала, что заставляет ее дрожать – волнение за Джейса или волнение от того, что скоро она его увидит? Из зеркала на нее взидало обрамленное поднятым воротником бледное лицо с огромными зелеными глазами и бесцветными потрескавшимися губами. «Красота – страшная сила», – подумала Клэри в унынии и отвернулась от зеркала. Какая теперь разница? Джейса ее внешний вид вообще не должен волновать.

Лифт остановился, и Клэри вышла. Как обычно, ее встретил Черч. На приветствие кот ответил раздраженным мяуканьем.

– Что такое, Черч? – В тишине голос прозвучал неестественно громко. А если в Институте вообще никого нет? Мысль о том, что она здесь в полном одиночестве, заставила Клэри содрогнуться. – Кто-нибудь дома?

Голубой персидский кот направился вперед по коридору, девушка последовала за ним. В музыкальной комнате и в библиотеке никого не было. Наконец кот повернул за угол и уселся перед закрытой дверью, всем своим видом демонстрируя, что привел гостью в пункт назначения. Не успела Клэри постучать, как дверь открылась, и на пороге возникла Изабель – в джинсах, мягком фиолетовом свитере и босиком.

– Вот это номер! – сказала она изумленно. – Что ты тут делаешь?

– Ты же сама прислала мне сообщение! Инквизитор отправила Джейса в тюрьму!

Изабель с опаской огляделась и прикусила губу:

– Это не значит, что надо мчаться сюда сломя голову.

– Изабель, он в тюрьме! – в ужасе воскликнула Клэри.

– Да, но... – начала было Изабель и махнула рукой: – Ладно, заходи. А ты брысь отсюда! Береги лифт! – Последнее относилось к коту, который немедленно улегся на живот и притворился спящим. – Кошки! – фыркнула Изабель, хлопнув дверью.

В комнате на незаправленной кровати сидел Алек, свесив вниз обутые ноги.

– Привет, Клэри, – сказал он. – Ты откуда взялась?

Клэри опустилась на пуфик перед трюмо, на котором хозяйке удавалось поддерживать фантастический беспорядок.

– Получила сообщение о том, что произошло с Джейсом.

Алек бросил на сестру многозначительный взгляд.

– Ну да, я решила, что надо ей сообщить, – сказала Изабель, оправдываясь. – Кто же мог подумать, что она немедленно примчится?

– Разумеется, я приехала! Как он? Почему этому Инквизитору вообще взбрело в голову отправить его в тюрьму?!

– Да не в тюрьму... В Город молчания, – ответил Алек, притянув к себе подушку и задумчиво перебирая ее бисерную бахрому.

– Зачем? – спросила Клэри.

– На нижних ярусах есть камеры, – нехотя ответил Алек. – Там иногда держат преступников перед отправкой в Идрис, на суд Совета. Самые опасных преступников: убийц, вампиров-отступников, Охотников, нарушивших Договор. Джейса посадили туда.

Клэри вскочила в ярости:

– В одну камеру с убийцами?! Вы в своем уме?! И почему вы сидите тут как ни в чем не бывало?!

Изабель с Алеком переглянулись.

– Это всего на одну ночь, – сказала Изабель. – В камере, кроме Джейса, никого нет. Мы выяснили.

– Но за что?! Что он такого сделал?

– Насколько мне известно, пререкался с Инквизитором.

– Уму непостижимо... – пробормотала Изабель, присев на край трюмо.

– Значит, у Инквизитора не все в порядке с головой! – заявила Клэри.

– Да нет, у нее с головой как раз полный порядок, – отозвался Алек. – В вашей примитивной армии тоже можно угодить в карцер, если дерзить старшему по званию.

– Джейс не в армии!

– Почему же? Сумеречные охотники – все равно что солдаты. Если проводить аналогию с вашей армией, то Инквизитор – генерал, а Джейс скорее рядовой. И был обязан вести себя в рамках приличий.

– Если вы считаете, что место Джейса за решеткой, зачем позвали меня? Чтобы объяснить, как он неправ? Я не понимаю, чего вы от меня хотите!

– Никто не говорил, что Джейс должен сидеть в тюрьме! – огрызнулась Изабель. – Просто глупо было пререкаться с одним из самых высокопоставленных членов Конклава. А кроме того, – добавила она, понизив голос, – я надеялась, что ты сможешь помочь.

– Помочь? Чем?

Вместо Изабель ответил Алек:

– Последнее время Джейс ведет себя так, будто ему жить надоело. Мы бы хотели, чтобы он поменьше лез на рожон... и уж конечно, не пытался спорить с Инквизитором.

– И вы считаете, что я смогу заставить его действовать более осмотрительно? – в изумлении переспросила Клэри.

– Не думаю, что Джейса вообще можно заставить что-то сделать, – заметила Изабель. – Но ты могла бы напомнить, что ему есть ради чего жить.

Алек вдруг слишком сильно дернул злосчастную бахрому на подушке. Нитка не выдержала, и бисер дождем посыпался на постель.

– Алек, хватит! – прикрикнула Изабель, нахмурившись.

Клэри хотела сказать, что на самом деле семья Джейса – это они, Лайтвуды, и что их мнение всегда будет для него более весомым. Однако вспомнила слова Джейса: *«Я слишком привык быть один. Но потом я понял, что мое место здесь, рядом с тобой»*.

– Мы можем сейчас пойти в Город молчания? – спросила она.

– Только если попытаешься уговорить Джейса не перечить Инквизитору, – потребовал Алек.

– Сначала я хочу его выслушать.

Нахмурившись, Алек отложил подушку и поднялся с кровати. Прежде чем он успел ответить, в дверь постучали, и Изабель пошла открывать. На пороге стоял темноволосый мальчик в джинсах и мешковатом свитере. В руках у него была книга, а на носу очки.

– Макс! – произнесла Изабель с некоторым удивлением. – Мы думали, ты спишь.

– Я сидел в оружейной, – ответил младший из Лайтвудов, – и услышал из библиотеки шум. По-моему, откуда-то пытаются выйти на связь с Институтом. А кто это у вас?

– Клэри, – отозвался Алек. – Сестра Джейса.

Макс вытаращил глаза:

– Я думал, у Джейса нет ни братьев, ни сестер.

– Мы все так думали, – сказал Алек, сняв со спинки стула свитер и натягивая его через голову. Наэлектризованные волосы немедленно встали торчком, и Алек пригладил их нервным жестом. – Пойду посмотрю, что там в библиотеке.

– Я с тобой, – заявила Изабель, вытаскивая из ящика свернутый золотой хлыст и засовывая его рукоять за пояс.

– А где ваши родители? – спросила Клэри.

– Пару часов назад поступил вызов – в Центральном парке нашли убитую фею. Они отправились туда вместе с Инквизитором.

– А вы почему не пошли?

– Нас не взяли, – ответила Изабель, скручивая две темные косы в узел на затылке и закрепляя его маленьким стеклянным кинжалом. – Присмотри пока за Максом, мы скоро вернемся.

– Я... – начала было Клэри, но Изабель уже скрылась в коридоре, а вслед за ней и Алек.

Клэри села на кровать и с опаской покосилась на Макса. Она понятия не имела, что делать с детьми, о чем с ними говорить, как их развлекать. По счастью, мальчик напомнил ей Саймона в том же возрасте – у него были тощие руки и ноги, а очки на лице казались чересчур большими.

Макс тоже рассматривал ее – глубокомысленно и ничуть не смущаясь.

– Сколько тебе лет? – произнес он наконец.

Клэри не ожидала вопроса.

– А сколько ты думаешь?

– Четырнадцать.

– Шестнадцать. Все думают, что я младше, – рост подкачал.

– Вот и у меня то же самое, – вздохнул Макс. – Мне уже девять, а все думают, что семь.

– Я сразу поняла, что тебе девять, – заверила Клэри. – Что это у тебя? Книга?

Макс протянул ей книгу, которую прятал за спиной. Точнее, журнал – из тех, которые обычно лежат на кассе в супермаркетах. На яркой обложке значились иероглифы и английские слова. Клэри засмеялась:

– Ого, «Наруто»! Да ты, я смотрю, любитель манги... Где ты это взял?

– В аэропорту. Мне нравятся картинки, но никак не пойму, как читать.

– Давай покажу. – Клэри открыла мангу. – Надо читать справа налево, а не слева направо, как ты привык. Теперь понятно?

– Ну конечно! – нетерпеливо ответил Макс. Клэри испугалась, что обидела его, однако мальчик, похоже, был вполне доволен. Он отобрал мангу и заглянул на последнюю страницу. – Девятый номер. Значит, надо добыть первые восемь.

– Отличная мысль. Предлагаю как-нибудь вместе наведаться в «Запретную планету».

– Куда? – недоуменно переспросил Макс.

Прежде чем Клэри успела ответить, дверь распахнулась, и в комнату, запыхавшись, влетела Изабель:

– Безмолвные братья пытались связаться с Институтом! В Городе костей что-то случилось!

– Что?!

– Не знаю! Братья еще никогда не просили о помощи! – Изабель была явно встревожена. – Макс, ступай в свою комнату и никуда не выходи, ясно?

– А вы с Алеком, значит, пойдете в Город молчания? – спросил Макс, сердито вздернув подбородок.

– Макс!

– Я с вами.

Изабель покачала головой; стеклянный кинжал в ее волосах сверкнул яркой искрой.

– И думать забудь. Ты еще маленький.

– Тебе самой нет восемнадцати!

– Хорошо, – сказала Изабель. – Только сначала мне надо кое о чем поговорить с Клэри.

Повинуясь ее отчаянному взгляду, Клэри поднялась на ноги и подошла. Изабель немедленно схватила ее за локоть, выпихнула из комнаты и выскочила следом, захлопнув дверь.

– Вот засада! – прошипела она, изо всех сил держа дверную ручку, за которую с другой стороны дергал возмущенный Макс. – Будь добра, достань у меня стило из кармана.

Клэри поспешно вытащила стило, которое дал ей Люк:

– Вот, держи.

Изабель схватила его и несколькими быстрыми взмахами начертила запирающую руны и вернула стило Клэри с раздраженной гримасой. Макс продолжал безуспешно ломиться в дверь.

– Откуда ты это взяла?

– Моя мама была Охотником, – сказала Клэри и прикусила язык, мысленно запретив себе думать о маме в прошедшем времени.

– Ясно. – Изабель грохнула в дверь кулаком. – Макс! Если проголодаешься, возьми шоколадку в тумбочке. Мы постараемся вернуться как можно скорее.

Ответом ей был еще один гневный вопль. Изабель пожала плечами и направилась к выходу. Клэри последовала за ней.

– А что именно сообщили Братья?

– На них напали. Больше ничего не известно.

Алек ждал у библиотеки, уже успев облачиться в кожаные доспехи Охотника. По его горлу и запястьям змеились черные знаки, а в поясных ножнах сидели два клинка серафима, названные именами ангелов.

– Готова? – спросил он Изабель. – Где Макс?

– Заперла в комнате, – ответила Изабель, протягивая ему руки. – Нанеси знаки.

Чертя руны на ее запястьях, Алек быстро взглянул на Клэри:

– Лучше возвращайся домой. Если в пустом Институте тебя обнаружит Инквизитор, добра не жди.

– Я с вами! – вдруг вырвалось у Клэри.

– Прямо как Макс, – пробурчала Изабель, осторожно подув на свежие знаки, как будто на чашку с кофе.

– Максу девять, а я ваша ровесница!

– Тебя никто не учил, – назидательно произнес Алек. – Только мешать будешь.

– Вы хоть раз были в Городе молчания? – спросила Клэри. – А я была! Я знаю, как туда войти, и смогу найти там дорогу.

– Все-таки... – начал Алек.

Изабель перебила его:

– Вообще-то, она права. Пусть идет, если хочет.

– В тот раз, когда мы нарвались на демона, она только зажмурилась и визжала! – воскликнул Алек и, встретив испепеляющий взгляд Клэри, поспешно добавил: – Ты уж извини...

– Я считаю, что ей надо набраться опыта, – сказала Изабель. – Как любит повторять Джейс, порой опасность искать не надо – она приходит сама.

– Меня нельзя просто запереть, как Макса, – быстро добавила Клэри, увидев, что Алек колеблется. – Я не ребенок. И мне известно, как попасть в Город костей, так что, если не возьмете меня, пойду туда одна.

Алек отвернулся, бормоча что-то про упрямых девиц.

– Дай стило, – приказала ей Изабель. – Пора тебе получить знаки.

6. Город праха

Изабель начертила на предплечьях Клэри два знака: открытый глаз, украшавший руку каждого Охотника, и два скрещенных серпа – руну защиты. Прикосновение стило обжигало, но боль тотчас забылась. К моменту, когда они вышли из машины на Второй авеню, Клэри уже чувствовала в руках невероятную легкость, будто плыла в детских надувных браслетах.

В молчании друзья прошли под кованой железной аркой, ведущей на нью-йоркское Мраморное кладбище. В прошлый раз Клэри привел сюда брат Иеремия. Тогда она так спешила за ним, что почти не смотрела по сторонам, и лишь сейчас заметила выгравированные на стенах имена: Янгблад, Фэрчайлд, Трашкросс, Найтвайн, Рэйвенскар... Рядом с фамилиями значились руны. У каждой династии нефилимов был собственный символ: у Вэйландов – молот, у Лайтвудов – факел, а у Валентина – звезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.